

Паата Амонашвили

18+

или лёгкий способ быть здоровым

БОЛЬШОЙ ВРАЧ

Паата Амонашвили
Больной врач

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Амонашвили П. Ш.

Больной врач / П. Ш. Амонашвили — «ЛитРес: Самиздат», 2014

"Знай я в то утро, что вечером умру, не стал бы курить натошак и пить крепкий кофе за завтраком. Честно говоря, в тот день смерть не входила в мои планы". Так начинается свой рассказ таинственный доктор Николай. Возможно, история человека, который находился на грани между жизнью и смертью заставит нас взглянуть иначе на окружающий мир и на самих себя. В оформлении обложки использован фрагмент картины "Ночной полет" художника Кахи Каландадзе.

© Амонашвили П. Ш., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Первая часть	5
Вступление к первой части	5
Первая глава	8
Вторая глава	11
Третья глава	22
Четвертая глава	26
Пятая глава	31
Шестая глава	36
Седьмая глава	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Паата Амонашвили

Больной врач

Первая часть

Вступление к первой части

Знай я в то утро, что вечером умру, не стал бы курить натошак и пить крепкий кофе за завтраком. Честно говоря, в тот день смерть не входила в мои планы...

Вот так начал доктор Николай свой первый рассказ.

Он позвонил накануне, когда я гостил в деревне у своего двоюродного брата Тимура. Мы удобно расположились на веранде, откуда открывался вид на вспаханное поле Тимура, и рассуждали о современном мире.

Вот что говорил брат:

– Я родился в деревне и почти никуда не выезжал. С пеленок привык сам выращивать себе пищу и мастерить все по хозяйству. Удивляюсь, как вы, жители города, можете есть весь этот упакованный яд из супермаркетов, который вас заставляют купить назойливой рекламой? Потом ходите по врачам, которые отправляют вас в аптеку купить другой яд, который якобы лечит от первого яда. Реклама давит на вас промывая мозги: «Ешь, пей, кури, отравляйся и заедай таблетками от любой отравы». Чушь! Это же безысходность!

Я отвечал:

– Ты преувеличиваешь! Живем один раз, а еда редкое наслаждение. Зачем отказывать себе? Тем более, что сейчас тщательно следят за качеством продовольствия.

Тимур возразил:

– Ну, да! Только этим и занимаются...

Я же продолжал:

– Кроме того, медицина быстро развивается. Сегодня уже лечат такие неизлечимые болезни.

Тимур рассмеялся:

– Лечат? Ты шутишь? Вспомни времена наших бабушек. Им всем было за сто, и они еще мотыжили в огородах. Рак и диабет, инсульт и инфаркт им и не снились. А сейчас в каждой семье тяжелобольной. Медицина развивается лишь в сторону увеличения прибыли. Больницы работают по бизнес-плану и конкурируют между собой, отнимая друг у друга клиентов. Кому нужен человек вроде меня – не потребитель и не больной? Какое правительство заботится о моей душе? Если поддамся и развалюсь перед сном у «ящика», то меня будут терзать дешевыми сериалами. У меня же своя программа – ночное небо. Там показывают чудесный концерт с участием настоящих звезд, которые познают вселенскую загадку в сопровождении прекрасного концерта сверчков.

Я развел руками:

– Что же ты предлагаешь мне? Бросить работу, мотыжить огород, как бабушка, и отуплять себя мерцанием ярких и тусклых звезд на небе?

Тимур сказал:

– Выбор за тобой! Можешь вдохновляться мерцанием накрашенных и силиконовых звезд на экране.

Спор зашел бы далеко, но нас прервал звонок моего мобильного телефона.

Я ответил:

– Слушаю.

Мне ответил голос спокойный и умиротворенный:

– Здравствуйте, моя супруга прочитала вашу книгу, и я решил, что нам надо встретиться.

Я ответил растерянно:

– Супруге понравилась моя книга?

Собеседник уклонился от ответа и сказал:

– Встретиться надо по другому поводу. Я хочу рассказать свою историю, по которой вы напишите следующую книгу.

Я решил, что это шутка остроумного одноклассника, и подыграл:

– Отлично! Встретимся в моем кабинете завтра в десять утра... Нет, лучше в девять.

Шутник сразу согласился:

– Прекрасно! Буду у вас ровно в девять. Меня зовут доктор Николай.

Телефон отключился, а Тимур спросил:

– Кто это был?

Я ответил:

– Какой-то Николай, шутник...

* * *

Ровно в девять утра в мой кабинет вошел высокий, бодрый мужчина среднего возраста и с умиротворением в голосе спросил:

– Начнем?

Я растерянно предложил ему сесть в кресло, а сам расположился напротив и сказал:

– Вначале я думал, что надо мной подшучивают друзья. Вижу, вы не шутите. Однако должен разочаровать вас. Я не пишу заказные биографии...

Он улыбнулся и ответил:

– Вы напишете роман от своего имени...

Я покачал головой:

– Послушайте, я не могу заниматься вашим делом. У меня важные дела, встречи, работа...

Он широко улыбнулся:

– Вы действительно думаете, что у вас есть дела, встречи, работа?

Я повел головой в недоумении.

Гость ответил спокойным, гипнотическим голосом:

– Знаете, бывает такой страшный хлопок... И после него мы с ужасом обнаруживаем, что улетаем из этой жизни, в чем мать родила, а унести с собой не можем даже то, что может поместиться на ладони, потому что у нас и рук больше нет...

Я сказал с раздражением:

– Не понимаю, о чем вы, и вникать не хочу! Надо закончить этот бесполезный разговор...

Он спокойно перебил меня:

– Тогда сделаем так, как заведено в богатых издательствах.

Я не понял:

– Что вы имеете в виду?

Он объяснил:

– Когда вы хотите издать книгу, то редактор требует первые несколько страниц, и если они его заинтригуют, то возьмется прочитать первую главу. Сейчас я предлагаю нечто подобное. Выслушайте только начало моего рассказа и потом сами решайте: хотите услышать продолжение или нет.

Обрадовавшись легкой возможности отделаться от этого типа, я ответил:

– Хорошо, но я усложню испытание и приму решение, выслушав только первое предложение. Начинайте.

Почему-то мне казалось, что сейчас Николай растеряется, будет искать слова, вспоминать выражения. Но он лишь улыбнулся и сказал без раздумий:

– Знай я в то утро, что вечером умру, не стал бы курить натошак и пить крепкий кофе за завтраком. Честно говоря, в тот день смерть не входила в мои планы...

Я замер в изумлении:

– Вы хотите сказать, что вы уже умирали?

Он улыбнулся шире и ответил вопросом на вопрос:

– Продолжать?

Пару секунд я растерянно озирался, потом сказал:

– Должен признаться, что...

И запнулся.

– Вам лучше включить диктофон, чтобы записать первый рассказ, – подсказал Николай.

– Да, конечно, – согласился я, – вы меня победили.

Порывшись в ящике, я нашел диктофон, вставил свежие батарейки и нажал кнопку записи.

Первая глава

Беспокойное пробуждение

Хотя кто знает, что бы я сделал, зная о надвигающейся беде... Может, задергался бы, выкурил бы две сигареты вместо одной и запил бы кофе бутылкой ледяного пива, которая так соблазнительно посмотрела на меня из холодильника. Потом кинулся бы искать помощь для предотвращения неизбежного.

Так поступили бы многие...

Но плохие предчувствия у нас бывают редко. Меня мучил лишь букет обычного похмельного синдрома: голова бетонная, во рту цемент, глаза как два кирпича в глазницах.

Горло било тревогу о жажде, сердце подавало признаки кардиопатии, а желудок провалился в двенадцатиперстную кишку, где вчерашний алкоголь продолжал коварно метаболизировать.

Я подумал: «Интересно, который час?»

Веки открыть не смог. Пришлось их пробивать молотком изнутри.

Пошарив тяжелой рукой, я нашел свой мобильный в заднем кармане джинсов.

Боже! Как же я так напился?! Лег спать в одежде...

Стыдно!

Память предательски стерла вчерашние события оставив огромную черную дыру!

Десять утра.

При попытке встать сразу замерцало предсердие в тахикардии. Этанол атаковал мои нервные окончания...

«Однако похмелье не смертельно», – подумал я и, приложив огромное усилие, присел на кровать.

Комната тут же полетела вниз, как вагончик аттракциона «американские горки» в парижском парке Диснейленд.

А ведь моя вторая половина, Мария, сейчас там, во Франции!

Она у нас депутат парламента, вице-спикер, видный политик. Порой, мне кажется, что цель ее жизни подняться на вершину карьерной лестницы, и для этого она использует все дозволенные или недозволенные методы. Мария вложила наследство отца в свое политическое восхождение и добилась большого успеха.

Я не хуже нее! Известный нейрохирург в городе. Учился в Англии, практиковался во Франции и Америке. Даже диссертацию защитил на тему патогенеза алкоголизма, начал публиковаться в иностранных журналах, и стал уважаемым медиком международного уровня. Меня стали приглашать почти на все ключевые медицинские конференции по нейрохирургии. Я также выиграл грант крупного благотворительного фонда на строительство собственного центра нейрохирургии, который со временем стал лучшей клиникой в стране.

Тут я вспомнил, что надо заказать авиабилеты в Лондон, куда меня пригласили выступить на ежегодном симпозиуме Всемирной Организации Здравоохранения.

Наконец, я с трудом поднялся...

Покачиваясь, вышел из спальни, направился прямо к холодильнику, открыл его и взглядом обласкал светившуюся бутылку пива.

Конечно, я не алкоголик, но...

Я потянулся за пивом, а в кармане зажужжал телефон. Звонила Софи, моя любовница.

Да, была у меня связь на стороне. Ну, и что? Я себя не винил. Жена постоянно в разъездах. Тусуется в правительственных кругах и делегациях. Детей у нас, к сожалению, нет... Софи пришла из фармацевтической компании. У нее высокая должность главный менеджер по продажам. Вот и начали мы с ней весело проводить время.

Я попытался ответить на ее звонок, но голосовые йогы не осилили членораздельную речь, и я извлек лишь тупой хрип из гортани.

Софи это рассмешило:

– Так тебе и надо! Я тебя предупреждала не мешать водку с пивом! Не мальчик!

Напрягшись, я выдавил из себя внятный ответ:

– Не бей больного... Без тебя тяжело. Даже не помню, как домой добрался.

Она сказала:

– Ты и не добирался, я тебя притащила и положила в кровать как тряпку.

Я ответил лукаво:

– Почему же ты не осталась? Жена в Париже... Проснулись бы вместе. Занялись бы чем-нибудь приятным... Мы же знаем, как лечить похмелье.

Она отмахнулась:

– Не тупи...

– Ну, не сердись, дорогая. Мне и так сложно, а ты по мозолям... Ты же знаешь, как я тебя люблю.

– Терплю я тебя только за такие слова...

– Ну, все-таки зря ты не осталась. Мы бы развлеклись, пока жена в Лувре...

И тут на меня громом обрушился звук спускаемой воды в унитазе. Адреналин выплеснулся в кровь. Казалось, что ледяная вода смывает меня в канализацию...

Сразу после этого, открылась дверь ванны. Оттуда вышла улыбающаяся Мария и игриво сказала:

– Бонжур, мон шер! Ты меня не ждал?

Я был жутко растерян. Конечно, не ждал, однако, ответ нашелся:

– Я... Я всегда только тебя и жду... Но ты уехала вчера утром на неделю. Что случилось?

Она подошла, улыбаясь, небрежно поцеловала меня, поставила чайник, положила в тостер хлеб и сказала:

– Меня срочно вызвал председатель парламента. Пришлось отложить все парижские дела и лететь обратно. Ненавижу ночные полеты, но другого выхода не было.

– Что же все-таки случилось?

– Сегодня оппозиция устраивает грандиозный марш протеста. Надо принимать соответствующие меры. Созвано внеочередное заседание парламента, собран совет безопасности. Надо готовить заявление для прессы. В общем, через полчаса заседание у президента.

Только сейчас я заметил чемодан Марии в прихожей и спросил:

– Что они требуют?

Мария продолжала:

– Богатство и славу. Все, как всегда, банально. Однако мы точно не знаем, с каким заявлением они выступят. Короче, политическая обстановка тяжелая, надо спасти страну от развала. Послушай, дорогой...

– Да, дорогая.

Она вопросительно посмотрела на меня и сказала:

– У тебя в руках включенный телефон. Там кто-то на связи? С кем ты говоришь?

Ооо! Я вспомнил, что не отключил телефон. Софи все слышала.

Я пробормотал:

– Эээ... Это представитель фармацевтической компании... Ну, она... То есть он... В общем, они поставляют нам медикаменты.

После этого я сказал в телефон подруге:

– Договорились. Выписывайте накладную а я вам перезвоню позже.

Перед тем как отключиться, Софи успела съязвить:

– Я тебе такую накладную выпишу, не выплатишь за две жизни...

Жена посмотрела на меня с каким-то подозрением и сказала:

– Ты плохо выглядишь. Опять пил?

– Ну... Был день рождения однокурсника, и мы чуть-чуть...

– Мне кажется, что не чуть-чуть, а даже очень...

«Бах!» – выстрелил тостер, мы оба подскочили на месте. Это разрядило ситуацию, и мы неловко улыбнулись друг другу. В это время зазвонил телефон Марии, председатель парламента приказал ей немедленно явиться.

Она засуетилась и сказала второпях:

– Выпью кофе по дороге.

Она исчезла, оставив мне воздушный поцелуй.

Я покачал головой, чтобы отбить алкогольное недомогание – «Бррр» – машинально открыл холодильник и, не отдавая себе отчета в том, что делаю, выпил полбутылки пива...

Холодная жидкость приятно растеклась по всему организму, проникая во все клетки и принося туда шипящий восторг...

Насладившись праздником тела, я направился в ванную комнату, но меня остановил звонок директора моей клиники Наны.

– Николай, доброе утро! Ты дома?

– Да. В чем дело?

– Тебе надо срочно приехать. Поступил тяжелый пациент. Черепно-мозговая травма. Нужна краниотомия. Мы уже готовим операционную. Кроме тебя никто не справится.

– Понял, но мне нужно время...

– Времени нет! Пациенту десять лет... Я послала за тобой карету скорой помощи. Она ждет у подъезда. Торопись...

Я повторил тупо:

– Десять лет?

– Быстрее, сюда!

Я остановил ее:

– Подожди! Кто анестезиолог?

– Гурий.

– Хорошо, еду.

Что поделать? Ванна подождет. Главное, что мой верный друг Гурий там. На него можно положиться.

И вдруг меняхватило! Страшные мысли, словно стрелы, выпущенные коварным лучником, пронзили мой мозг: «Боже! Что было бы, если бы Софи осталась ночевать, и нас застукала бы Мария?! Вот, получился бы удар по психике».

От воображаемой сцены, а может, от выпитого пива предсердие застучало как испорченный мотор, и я почувствовал резкую нехватку кислорода, но сумел отбросить неприятное ощущение. Задержался у холодильника, чтобы сделать еще один глоток из манящей бутылки, а при выходе споткнулся о чемодан жены...

Вторая глава

Вскрытие черепа и высвобождение воспоминаний

Я откинулся на кресло переднего сидения кареты скорой помощи и с удовольствием закурил сигарету. Приятное головокружение от табака усилило расслабление от холодного пива, однако, удовольствие было коротким: водитель искусно проехал на красный свет всех светофоров и быстро доставил меня к клинике.

Я шел быстрым шагом по коридору своей роскошной больницы. Гладкий сверкающий пол подо мной и яркий белый свет сверху. Если смотреть на него ослепит.

Я направился прямо в кабинет директора Наны. Она молча указала мне на заплаканную женщину, съжившуюся в глубоком кресле, и сказала:

– Николай, познакомься, это мама пациента.

Я сразу узнал ее, и остолбенел:

– Ия! Ты? Что случилось?

Она вскинула на меня большие зеленые глаза, полные слез, и ответила на удивление спокойным голосом:

– Николай, милый... Спаси моего ребенка!

Вмешалась Нана:

– Так вы знакомы?

Я объяснил:

– Она моя одноклассница и... близкая подруга.

Нана понимающе кивнула и сказала:

– Не будем терять время! Раз вы знакомы, то Ия должна знать, что ты один из лучших нейрохирургов не только у нас, но и во всей Европе! У тебя золотые руки... Иди прямо в операционную. А я побуду с Ией, успокою ее.

Ия сказала тихо:

– Я спокойна, потому, что все в руках Бога.

Выйдя из кабинета, я накинул халат и направился в операционную со странным вопросом в голове: «А у Бога есть руки?»

* * *

Мой друг и прекрасный анестезиолог Гурий указал на монитор с томографическим изображением мозга и сказал:

– Состояние крайне тяжелое, посмотри на снимок... Тут вдавленный перелом в левой теменной кости размером шесть на четыре... Шок третьей степени. Артериальное давление исчезло, но появилось после массажа сердца.

Я внимательно взгляделся в экран. Положение правда очень тяжелое. Возможно, я смогу поднять кость элеватором. Надо начинать немедленно.

В глубине, у операционного стола крутились две медсестры. Я сказал им:

– Привет, красавицы, как там с давлением и пульсом?

Одна из них обернулась ко мне и доложила:

– Семьдесят на десять. Пульс слабый, сорок. Дышит через аппарат.

Затем я обратился к Гурию:

– Как с анестезией?

Он сказал:

– Я сделал внутривенный интубационный наркоз. Она готова для оперирования.

В сознании мелькнуло удивление: «Она?»

Надев стерильные перчатки и повязку, я подошел к операционному столу, и только сейчас заметил, что со стола свисали прекрасные золотистые волосы девочки...

Я замер в изумлении. Гурий спросил:

– Что с тобой?

– Это же девочка! – ответил я.

– Конечно, девочка, десять лет.

Какая жалость... Такая прелесть и...

Я внимательно разглядел правильные и очаровательные формы ее спокойного личика. Казалось, она просто спит, скоро проснется, побежит, будет радоваться жизни, играть с подружками и шалить. Тревоги на ее лице не было... Были лишь прекрасные ямочки на щеках.

Я покачал головой, отбросил лишние мысли и, настроившись на работу, сказал всем в операционной:

– Мы обязаны поставить этого ребенка на ноги! От нас потребуются самоотверженность и самоотдача! Но мы ее спасем!

Медсестры ответили:

– Да! Сделаем все...

Я подошел к операционному столу и приступил:

– Начинаем с фиксации головы... Слава богу, у нас есть детская скоба.

Эту чудо-скобу шведского производства Нана выписала год назад. И вот, она пригодилась в первый раз...

Гурий сказал:

– Скоба готова.

Я прикоснулся к золотистым волосам девочки и даже через резиновые перчатки почувствовал их мягкую шелковистость.

Совсем как у ее мамы...

– Скажи мне, Гурий, как ее зовут?

– Анита.

– Интересно, что означает это имя?

Одна из красавиц предложила:

– Хотите, посмотрю в словаре?

– Нет, ты лучше смотри на датчики...

Слово «датчики» молниеносно вызвало цепь быстрых ассоциаций и, продолжая работать со скобами, я мыслями унесся в далекое прошлое.

Картины ярко предстали в памяти, оживляя малейшие детали.

* * *

Происходило это за неделю до нашей свадьбы с Марией, на выставке медицинского оборудования, в курортном городке на берегу моря, куда меня пригласили японские коллеги. Сначала мы хотели поехать вместе, но потом Мария передумала, решив спокойно завершить важные хлопоты со свадебным платьем и пригласительными карточками для гостей.

Я полетел один, отсидел все презентации по новому оборудованию, пообщался с коллегами, а к вечеру решил погулять по берегу моря и полюбоваться закатом. Стояла ранняя весна, до курортного сезона было далеко, так что пляж был пустым. Дул прохладный ветер. Солнце, вода и небо устроили мне мистическое представление, которым я наслаждался, покуривая.

Не хотелось идти в скучный номер гостиницы. Сама собой проснулась потребность неожиданной романтики и, полюбовавшись на стройный ряд красивых фонарей ночного освещения, я начал фантазировать.

Сейчас загорятся эти волшебные фонари, и произойдет настоящее чудо: появится прекрасная незнакомка, воздушной походкой приблизится ко мне и скажет:

«Привет, Николай! Давай пообщаемся поближе...»

Не успело солнце утонуть в море, как вдали появился силуэт приближающейся девушки. Я пошел навстречу.

Морские волны шелестели мелодию типа «Истории любви», а сцена полностью соответствовала бы романтической музыкальной мелодраме «Встреча одиноких сердец в лучах весеннего заката».

Согласно жанру, невидимый режиссер приказал нам замедлить шаг, и сближение растянулось во времени, усиливая удовольствие от приятного, неопределенного предвкушения.

Она олицетворяла тонкое изящество морской стихии. Голубое платье и воздушный шарф... Девушка улыбнулась мне самой приветливой улыбкой и сказала:

– Привет, Николай...

Это был шок!

Не хватало окончания фразы: «Давай пообщаемся поближе».

Я промямлил:

– Привет... Мы знакомы?

Она с грустью спросила:

– А ты меня не узнал?

Тут моя находчивость очнулась от оцепенения, и, закурив следующую сигарету, я сказал:

– Давай угадаю с трех раз... Ты моя пациентка?

Она рассмеялась:

– Нет, слава Богу!

– Однокурсница?

– Я не училась на медицинском, я художница.

Я поднял руки вверх и сдался с юмором:

– Точно! Мы родились в одном роддоме, и нас уложили в общую кровать!

Она рассмеялась звонким и мелодичным смехом, повязала шарф вокруг шеи и ответила:

– Ты проиграл.

– Взываю к помощи.

Девушка скромно наклонила голову и сказала:

– Ты не виноват, что не узнал, я сильно изменилась. Мы пять лет сидели за одной партой в школе.

Тут я вспомнил:

– Ия!!! Это ты?! Какой сюрприз...

Я машинально обнял ее и расцеловал. Конечно, я никак не смог бы признать в этой прекрасной, изящной женщине мою неуклюжую, неопрятную и рассеянную одноклассницу. Ходили даже шутки про ее забывчивость.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я ее.

– Решила посмотреть на закат, но опоздала...

– Ну, конечно... Закат... Но что ты, вообще, делаешь в этом городе?

– Я здесь работаю художником в театре. Мы поставили новый спектакль. Завтра премьеры...

– Наша встреча чудо! Надо отметить!

Тут мои волшебные фонари зажглись вдоль всего побережья, и она сказала:

– Давай отметим и пообщаемся поближе... Настоящая фантазмагория волшебного фонаря...

* * *

Тем временем я надежно зажал голову девочки в тисках, с помощью Гурия закрепил скобы на конструкцию, зафиксировал зажимы и перепроверил стойкость держателей. Очень важно, чтобы голова была в тесных крепежах и в полной неподвижности.

Теперь можно начинать. Гурий спросил:

– Волосы брить будем?

Я ответил:

– Стричь такую прелесть? Ни в коем случае! Эти волосы мне не помешают. Вот если были бы колючие, короткие... Однако не будем терять время. Надо спасти малютку.

Еще раз изучив снимок поврежденной части мозга, я аккуратно обозначил площадь надреза, и, мысленно пожелав себе удачи, уверенной рукой приложил к коже скальпель.

Чтобы не допустить потери крови, надо все делать быстро и точно. Знаю, что Гурий поможет с зажимами и клипсами...

Вот так...

Еще один надрез здесь...

Потом открываем апоневроз...

Все хорошо!

Обнажив вдавленный перелом, я начал изучать поврежденную область под микроскопом.

И что у нас здесь?

Ничего хорошего...

Для более точной диагностики нужно снимать скальп. Интересно, что с ней произошло?

Как бы отвечая на мой мысленный вопрос, Гурий сказал:

– Мама девочки сказала, что она бежала и упала с лестницы.

Я произнес задумчиво:

– Куда ты бежала, маленькая принцесса? И почему вы такие непоседы?...

Не оглядываясь, я приказал красавицам:

– Приготовьте копьевидную фрезу, начинаю делать трепанационное отверстие...

Фреза как бы сама оказалась в руке. Я нажал кнопку, и она послушно зажужжала. Ну, вот! Приступаю к сверлению. Я всем телом прочувствовал твердость в руке и начал...

Кость девочки издала знакомый хруст, и запахло горелым...

– Держись, принцесса, я тебя вытащу!

Первичное отверстие почти готово! Отлично.

Я приказал:

– Подайте шаровидную фрезу...

Скоро с первой дырочкой все было закончено. Я бросил взгляд на снимок, сверился с микроскопом и определился:

– Пробую поднять вдавленный перелом леватором. Если получится, отпадет необходимость снимать скальп.

Очень медленным и осторожным движением я просунул леватор в просверленное отверстие, начал поднимать сломанную кость одновременно говоря:

– Косточка, милая, не подведи. Я лишь хочу тебя вправить на место... И не смей ломаться! Красавицы, как там с параметрами?

– Все в норме...

Пальцами почувствовал, что косточка поддается.

И тут следующая вспышка воспоминания осветила далекое прошлое...

* * *

Мы сидели в прибрежном безлюдном кафе. Свечка на столике, морской пейзаж за окном, звезды и тоненькая ленточка молодого месяца.

Я заказываю сладости и коктейль.

Она говорит:

– Ты думаешь, это хорошая мысль, расслабиться джином? Завтра у меня премьера. Ответственный день! Кроме того, после алкоголя я начинаю говорить глупости.

Я отвечаю:

– Сейчас вечер, до завтра далеко, а нам надо выпить за встречу. Буду рад послушать твои глупости. Расскажи, как ты очутилась на пляже, прямо передо мной в этот вечер?

Она улыбается, отвечает стихами:

Над холмами, над долами,

Сквозь терновник, по кустам,

Над водами, через пламя

Я блуждаю тут и там!

Я лечу луны быстрее,

Я служу царице фей,

Круг в траве кроплю росой,

Буквицы – ее канвой...

Я смотрю на нее заморожено. В моей памяти пробуждается Шекспир, которого я учил в театральном кружке медицинского.

И я отвечаю ей теми же стихами:

Ну да, я – добрый малый Робин,

Веселый дух, ночной бродяга шалый,

В шутах у Оберона я служу...

Теперь Ия смотрит на меня восхищенно:

– Ты знаешь это наизусть? Не могу поверить...

А я продолжаю:

Все умирают, лопаюсь от смеха,

И за бока держась, твердит весь хор,

Что не смеялись так до этих пор...

Она восклицает:

– Bravo! Ты играл в театре?

– Нет, конечно. Я люблю Шекспира.

– К этой волшебной сказке я нарисовала декорации, оформила сцену и костюмы. Какое прекрасное название: «Сон в летнюю ночь»... Приходи завтра на премьеру, оценишь мое искусство. Придешь?

Девушка несет коктейли, но мне, каким-то странным образом совсем расхотелось пить. Стаканы так и остались нетронутыми.

В кафе шумно заходит веселая компания из трех актеров. Впереди бородач, за ним красавица с парнем. Они смеются. Увидев нас, бородач медленно подходит, отвешивает поклон и произносит нараспев, обращаясь к Ие:

– О! Прекраснейшая из ваятельниц! Где кисть твоя? Наш дивный мир нарисовать пора! А кто твой друг, прекрасная виртуозка цвета?

Ия смеется:

– Это мой одноклассник Николай.

Артист поклонился:

– А я Оберон! Женщина же со мной, жена моя, надменная Титания, и с нами Деметрий, наш любовник пылкий.

Титания приседает в реверансе, а Деметрий прикладывает руки к сердцу.

Оберон смотрит в потолок и вопрошает:

– К добру ли наша встреча при луне?

Титания ему отвечает:

– Нам лучше будет удалиться, идиллия при нас здесь не родится.

Оберон взмахивает правой рукой, и в его пальцах возникает цветок. Он прыгает, крутится, подносит цветок к моим глазам и произносит тихим голосом:

Ты, цветок пурпурный мой,

Ранен Эроса стрелой,

Сок в глаза ему пролей,

Пусть, проснувшись рядом с ней,

Он найдет ее прекрасной,

Как Венеру, в тверди ясной,

Пробудясь, моли ее,

Сердце вылечить твое.

Кафе аплодирует.

Титания говорит:

– Простите нас, мы в образах!

Оберон повернувшись к ней:

– Дай же руку, улетим молча с сумраком ночным и мгновенно опояшем шар земной в полете нашем.

Титания с очаровательной улыбкой отвечает ему:

Да, летим, о мой супруг,

Ты расскажешь, как случилось,

Что заснула я, и вдруг

Между смертных очутилась.

Артисты исчезают, Ия говорит мне:

– Ну, как? Ты придешь на нашу премьеру?

Я отвечаю:

– Честно, не знаю. Завтра мне уже нужно уезжать...

Неожиданно она смотрит мне прямо в глаза и говорит:

– Все школьные годы, которые мы провели за одной партией, я была в тебя влюблена, но держала чувства в секрете. Доверяла только своему дневнику...

Я удивлен, и она ошарашена своим признанием. Тут же, за столиком крепко ее целую и удивляюсь: я не прикасался к коктейлю. Подействовал цветок Оберона.

Несколько минут спустя мы уже обнимаемся в моем номере роскошной гостиницы с видом на ночное море. Потом заказываем фрукты, вспоминаем одноклассников, учителей, классную даму.

Потом я провалился в сон...

* * *

Тем временем я продолжал оперировать девочку. Мне удалось аккуратно вставить подъемник точно под травму, и я начал выдавливать треснувшую кость, но при малейшем напряжении перелом начинал расходиться. Вместо того, чтобы вернуться на место, мелкие косточки грозили рассыпаться... В отчаянии я сверился с микроскопом и сделал еще одну попытку, но...

– Не получается, – сказал я – подъемник не справляется... Боюсь, не разломать все изнутри...

– Что будем делать? – отозвался Гурий

– Пойдем сложным путем, буду снимать лоскуток, – ответил я и начал озвучивать свой действия, – первым делом извлекаю леватор и начинаю делать еще четыре отверстия для выкраивания пораженного лоскутка... Давайте сюда фрезу... Ну, принцесса, придется тебя помучить еще немного. Потерпи, прекрасная, потерпи... Как же ты так сильно ударилась?

Я начал бурить второе отверстие...

Минут через пятнадцать все было готово, и Гурий сказал:

– Молодец, отличная работа.

Я ответил:

– К сожалению, главная трудность впереди... Подайте металлический проводник, красавицы...

Пластинка сразу оказалась в моей руке. Сейчас надо осторожно продеть этот проводник через правое отверстие и достать его из левого. Главное, все сделать так, чтобы не повредить твердую мозговую оболочку и с первого же раза попасть в маленькую дырочку изнутри...

Я сконцентрировался, начал и...

Попал!

Ну, вот!

Когда серебристый проводник вылез из головы девочки, Гурий меня похвалил:

– Отлично!

Я ответил:

– Подайте мне проволочную пилу...

Так, так... Прodelываем то же самое пилой. Но сейчас не так страшно задеть мягкую оболочку мозга. На то и нужен был проводник...

Я нацелился, легко протолкнул пилу и почувствовал, как она заскользила по металлическому проводнику под черепом. Вот она вылезла из другой дырочки...

Хорошо. Можно пилить череп принцессы изнутри...

Это, наверное, самый ответственный момент...

А волосы! Какие прекрасные, золотистые, шелковистые!

Как у мамы...

И опять последовала новая вспышка воспоминаний...

* * *

Я приласкал ее длинные, мягкие волосы, которые нежной волной рассыпались по всей подушке, потом тихо встал и посмотрелся в неподвижную гладь спокойного моря.

Отпало желание закурить. Вместо этого вдруг захотелось сделать что-нибудь особенное. Я набросил халат, покинул номер, спустился на лифте и вышел на гостиничный пляж, голыми ступнями ощущая мокрый песок. Было холодно, я задрожал, но не отступил, сбросил халат и, не раздумывая, с разбега прыгнул в ледяную воду. Сердце замерло, съежилось, но я нырнул с головой, и море забулькало в ушах. Вместе с холодом меня пронзило чувство вины. Я предатель! За несколько дней до свадьбы соблазнил одноклассницу.

Ну, что было, то было...

Я даже не прикасался к алкоголю.

Во всем виноват цветок Оберона или... Судьба.

Я чувствовал особенную близость с Ией. Не зря она встретила меня здесь. Скоро я вернулся в теплую постель. Ия открыла заспанные глаза и с очаровательной улыбкой сказала:

– Ты пахнешь как море... Ты – море?

Я ответил:

– Да, я море...

Мы блаженствовали на фоне художественного шедевра за окном: бескрайняя водная гладь в лучах восходящего солнца.

* * *

Воспоминания даже помогли мне с операцией. Я и раньше улетал мыслями куда-то, а руки сами продолжали свое дело.

Работа с проводником и пилой закончена благополучно. Все идет хорошо. Сломанный костный лоскут выкроен, и я его легко поднял...

– Ну вот... Начинаю исправлять травму.

Я осторожно положил частичку черепа девочки на бинты и приказал:

– Молоток...

Красавица отреагировала моментально и подала инструмент. Я нацелился и начал делать то, что у меня не получилось леватором изнутри. С молотком все было легче...

Несколько минут спустя я вправил кости и начал проверять лоскуток со всех сторон. Какое-то сомнение охватило меня. Я положил кость под микроскоп, чтобы внимательней рассмотреть ее.

Гурий спросил:

– Что ты ищешь?

– Здесь много мелких кусочков...

Через глазок микроскопа я четко заметил нехватку нескольких очень мелких осколков и сказал:

– Не нравится мне это. В апоневрозе могли остаться осколки.

Развернув микроскоп и увеличив разрешение, я направил глазок на твердую оболочку мозга девочки и начал исследовать поврежденный участок миллиметр за миллиметром. Оболочка была напряжена и пульсировала. Это мешало, но я не мог позволить себе проглядеть хоть что-то... Осколок позже станет причиной опухоли... Надо все полностью очистить! Слава Богу, что я вообще это заметил! Медленно передвигая микроскоп, я увидел первый кусочек.

Очень маленький...

Тут же появился и второй...

Я осторожно направил отсос и вычистил их.

Хорошо...

Но, стоп!

Что это?

Здесь еще три осколка. Они побольше... Отсосом их не взять. Надо доставать вручную...

Я приказал:

– Пинцет!

Надо ухватить осколок острым пинцетом с первого раза, не задев ткань!

Я направил пинцет к одному из осколков очень медленно, зацепил и поднял...

Хорошо, принимаюсь за второй...

Зацепил, поднял...

Остался третий, он засел глубже других, зацепить его будет сложнее...

Но надо!

Я направил пинцет и...

Внезапно почувствовал недомогание...

Я пошатнулся, все завертелось. Какой-то слабый хлопок раздался где-то в глубине головы. Я еле удержал пинцет в пальцах и чуть не свалился прямо на девочку...

Гурий заволновался:

– Что с тобой?

Я заметил тревожный взгляд красавиц. Они тоже не понимали, что происходит...

Я подумал, что это – последствия похмелья...

Надо держаться ради принцессы!

Однако колени подкашивались сами собой...

Перед губами возникла трубка, тянущаяся из стакана. Это красавица подала мне воду. Я потянулся, чтобы отпить, но почувствовал, что начинаю падать...

Гурий схватил меня с одной стороны, красавицы с другой. Они усадили меня на стул, но у меня помутилось в глазах. Сердце словно провалилось под землю. Я невольно схватился за грудь, однако, это не помогло, и откуда-то из другого мира послышался голос Гурия:

– Нашатырный спирт ему!

Я услышал, как одна из красавиц побежала за баночкой. Я же подумал, что мне уже вряд ли что-то поможет, ибо мои конечности оказались парализованы, биения сердца не ощущались, а в глазах потемнело...

Слава Богу, резкий запах подействовал отрезвляюще.

Секунду спустя голова очистилась от тяжести, и я понял, что подвожу эту прекрасную девочку с золотистыми кудрями, которая беспомощно лежала передо мной на операционном столе со снятым скальпом и осколками в мозгах. Она нуждалась в моей помощи...

Надо взять себя в руки!

Я постарался открыть рот и выговорил:

– Воды!

С глотком воды вернулась и ясность ума.

Гурий сказал:

– Не торопись. Посиди пару секунд. Что это с тобой было?

Я ответил:

– Ничего серьезного. Просто, похмелье. Надо достать последний осколок. Он самый мелкий, но я его вытяну.

Я уверенно подошел к операционному столу. Гурий с красавицами заняли свои места. Направив пинцет к косточке, я настроил себя ухватить ее с первого раза. Зацепил осколок, глубоко вдохнул, напрягся и вытянул его. Гурий вздохнул с облегчением. Я еще раз направил микроскоп на пораженный участок, внимательно исследовал его и сказал:

– Гурий, здесь все чисто, но мне не нравится небольшая гематома.

Он спросил:

– Что будем делать?

– Будем ставить дренаж в нижнее отверстие.

Гурий кивнул и обратился к красавицам:

– Хорошо... Девочки, приготовьтесь для дренирования.

После этого через час все было закончено, и я сказал:

– Переходим к пластической части операции. Устанавливаем выкроенный лоскут на место. Думаю, принцессу мы спасли.

И я опять принялся сверлить девочку, проделывая отверстия для ниток. Руки заработали сами, а воображение оживило передо мной образы прошедших лет...

* * *

Мы расстались после завтрака в гостинице. Я ее проводил до театра, а сам поехал в аэропорт. Она просила остаться на премьеру, но я отказался.

Потом была моя свадьба, потянулись дни кутежа, и Ия надолго вылетела из головы.

Однажды она позвонила сама:

– Привет.

Я ей солгал:

– Здравствуй, часто думал о тебе.

Она ответила коротко:

– Надо встретиться. Это важно.

Я был не против увидеть ее и ответил:

– Конечно, но у меня сегодня две операции. Перезвоню тебе вечером, как только освобожусь...

Она сказала:

– Хорошо, буду ждать.

Вечером я ей не позвонил. Забыл связаться с ней и на следующий день, и неделю спустя...

Ее номер набрал я лишь через год, когда опять оказался в курортном городке. Волшебные фонари загорелись, но девушка больше не появлялась, а номер оказался недоступен.

Тогда я пошел в театр и узнал, что и Шекспира там уже не ставили. Через некоторое время я опять забыл об Ие...

А сейчас, вот...

Пришиваю лоскут вправленной кости в череп ее дочки. Операция заканчивалась успешно.

– Красавицы, как там с параметрами?

– Все в норме...

Гурий меня хвалил:

– Молодец! Это была отличная операция! Как ты себя чувствуешь?

Я не обращал внимания на самочувствие:

– Все хорошо...

* * *

Принцессу укатали в палату реанимации, а я направился к директору Нане.

Она спросила:

– Как все прошло?

– Были проблемы. Хотел поднять вдавленный перелом изнутри, леватором. Не вышло. Пришлось снимать часть черепа, поправлять все и чистить от осколков. Девочка все перенесла хорошо. Надеюсь, быстро пойдет на поправку. Сначала я почему-то думал, что это мальчик... Где мама?

– Она ждет тебя. Стойкая женщина. Хорошо, что со страховкой из театра у нее все в порядке. Документы уже отосланы. Ты мне не очень нравишься, Николай... Бледный какой-то. Как ты себя чувствуешь?

– Симптомы похмелья.

– Не перепивай больше.

Тут мой взгляд задержался на экране телевизора. Показывали выпуск новостей. Появилась Мария и я сделал звук громче. Журналистка задавала вопрос Марии:

– ...и каковы основные требования оппозиции?

Мария дышала взволнованно и отвечала привычной скороговоркой:

– Требования протестантов прежние. Они хотят отставку правительства. Этого может желать каждый, но неприемлемы методы политической борьбы, которые они выбирают. Митинги и уличные выступления вносят беспорядок в жизнь обычных граждан. Наши многократные попытки перевести диалог в цивилизованную форму ни к чему не приводят. И президент, и председатель парламента, и я готовы немедленно встретиться с лидерами. Но они не

хотят диалога и добиваются дестабилизации ситуации по всей стране. Это рискованный путь для всех...

Нана спросила:

– Хочешь кофе?

Я ответил:

– Лучше поговорю с Ией.

* * *

Я вошел в свой рабочий кабинет, обставленный роскошной мебелью и обвешанный сертификатами со всего мира.

Минуту спустя привели Ию. Она спросила твердым голосом:

– Что с моей девочкой?

Я ее усадил и ответил:

– Операция прошла хорошо.

В ее глазах появилась надежда:

– Правда?

– Да, правда. Я удалил все осколки, уверен, она скоро встанет на ноги. Сейчас ей нужно отлежаться. Раны скоро заживут. Здесь за ней будет очень хороший уход. Не волнуйся.

На ее глазах появились слезинки:

– Все в руках Бога... Знаешь, она вдруг побежала...

– Куда побежала?

– Не знаю. Мы с ней поспорили. Наверно, она обиделась, побежала и упала с лестницы.

Это было так ужасно...

– Успокойся. Худшее уже позади. Уверен, что твоя дочка быстро поправится...

– Ты – настоящий ангел...

Я усмехнулся.

– Ангелов здесь нет. Здесь только врачи, и я – просто врач...

Ия ответила сквозь слезы:

– Ангелы есть везде... Я хочу посмотреть на мою девочку.

Я ответил:

– Она под наркозом, лежит в палате реанимации. Я тебя проведу. Накинь белый халат...

Третья глава

Тихий зов великих врачей таинственного города Иртифахан

После разговора с Ией, я задержался в клинике еще на час, составил отчет о проделанной краниотомии, обошел больных и внимательно проверил девочку. У нее все было в норме, кроме дренажа. Кровь вытекала густая, смешанная с подкорковой жидкостью. Нехорошо. Возможно, там небольшое засорение. Хотя я мог ошибаться, и на самом деле все в порядке. В любом случае пока ничего нельзя трогать. Нужна дополнительная проверка вечером. Если проходимость ухудшится, надо будет заменить трубку дренажа. Я приказал себе не забыть пере-проверить дренаж вечером.

Сказав Нане, что вернусь ближе к вечеру, я быстрым шагом вышел на улицу и включил телефон. Пять пропущенных вызовов от Софи. Я приготовился набрать ее номер, но не успел, она позвонила в шестой раз и сказала с претензией:

– Ты что? Не разговариваешь со мной?

Мне опять пришлось оправдываться.

– Опять я виноват? Я был на операции.

Она спросила строго:

– Какая операция?

– У маленькой девочки перелом черепа. Я сделал ей трепанацию.

После паузы Софи смягчилась.

– Жалко. Все прошло хорошо?

– Да, надеюсь. Прости, что не мог ответить на твои звонки. Как твои дела?

Тут ее голос повеселел:

– Поздравь меня! Да и себя тоже! Я добилась встречи с Ним!

– С кем?

– С самим Кэтчером.

Я припомнил, что это владелец международной фармацевтической компании «Кэтчер Лабс» из Лондона, богатейший человек с огромным влиянием в сфере фармакологии.

– Да ты что?! – воскликнул я удивленно.

– Я без ума от радости!

Я восхитился:

– Это прекрасная новость! Надо же... Как же ты добилась личной встречи с Кэтчером?

– Помнишь, я рассказывала, что встретила его в Вене на конференции фармакологов и заговорила с ним в фойе. Потом я написала ему несколько писем с предложением заняться продвижением их товаров у нас. Он не отвечал, и я уже разочаровалась, но сегодня, совершенно неожиданно позвонил его секретарь и пригласил на личную встречу в гостиницу «Камертон». Он приглашает нас вместе...

– Как это?

– Я в письмах писала ему и о тебе. Думаю, они хотят, чтобы мы вместе составили план будущего сотрудничества.

– Очень интересно. Ты не знаешь, что он намерен предложить?

– Секретарь сказал, что речь пойдет о возможном совместном проекте.

– Ого!

– Ты представляешь, какая это честь, сотрудничать напрямую с Кэтчером!

– Я приеду за тобой в половине четвертого. Где ты будешь?

– Надо заказать билеты на Лондон в агентстве «Инга». Скорее всего, я буду там...

- Хорошо, я приеду туда.
- Целую.
- Чао!

Молодец, Софи! Всегда добивается своего. Надо же! Встреча с руководителем самой крупной фармакологической компании в Европе! Интересно, какие у него планы?

Тут я заметил свободное такси, которое учтиво остановилось передо мной.

Водитель оказался приветливым молодым человеком с красивым именем Антуан. Так значилось на его табличке. Он даже не был похож на таксиста, а походил на стильного юношу тридцатых годов прошлого века.

Он весело спросил:

- Куда едем?

Я ответил:

- Туристическое агентство «Инга».

Таксист ответил:

- Мы туда не поедem, а полетим!

По радио передавали последние новости. Корреспондентка в прямом эфире визжала как резаный поросенок:

– Оппозиционное движение под руководством Крикунова набирает такую силу, что сегодня на улицу вышла толпа в несколько десятков тысяч человек с требованием отставки правительства. Господин Крикунов заявил, что единственный человек, с кем он будет вести переговоры, это вице-спикер парламента, однако, правительство на диалог не идет...

Водитель приглушил радио и сказал:

– Люди рвутся к власти и богатству, не понимая, что это бессмысленная суета, в которой мы все так безвозвратно затерялись...

Литературный язык водителя немного удивил меня, однако, я не стал заострять на этом внимание, откинулся на кресло заднего сидения и с наслаждением закурил...

Доставив меня к месту, Антуан сказал:

- Помните, я буду крутиться поблизости.

Я не обратил внимания и на это, холодно поблагодарил водителя и вошел в туристическое агентство, где меня встретила несколько грустная Инга.

Она сказала:

- Рада вас видеть, доктор Николай. Как у вас дела?

Я сел и ответил:

- Спасибо, все хорошо. Как у тебя?

Инга сказала с некоторым разочарованием:

– У меня все как всегда. Отправляю людей в путешествие по миру, а сама сижу на одном и том же месте. Хотя с удовольствием съездила бы куда-нибудь. Вы объехали весь свет, завидую вам белой завистью. Вот и сейчас готовитесь к путешествию. Куда мне отправить вас на этот раз?

- В Лондон, на конференцию нейрохирургов.

Она кивнула:

- Отлично. Сейчас бронирую вам билет. Когда отбываете?

- В конце следующей недели.

Инга защелкала клавиатурой компьютера, а я начал рассматривать рекламные плакаты на стене. Броские картины зазывали меня в Париж, Нью-Йорк, Турцию и в Египет, но мое внимание привлекла реклама путешествия в Индию.

Плакат гласил:

«Незабываемое пребывание в совершенно недоступных местах, где вас ждет город великих врачей – Иртифахан!»

Я подумал вслух:

– Что за странное название – Иртифахан?

Инга оторвалась от компьютера и ответила:

– Это самое интригующее предложение на сегодняшний день. Но пока туда никто не желает ехать. Возможно, это будет интересно для вас, как для доктора. Ведь Иртифахан – это старинный город чудесных врачей.

Я сказал:

– Действительно, интересно.

Инга улыбнулась:

– Отправить вас в Иртифахан вместо Лондона?

Я подыграл ее шутке:

– Лучше после Лондона.

– Хорошо. В Лондон я могу заказать вам билет на субботу, в воскресенье у вас будет время пройтись по городу. Начиная с понедельника примете участие в конференции, а в четверг – обратный рейс вечерним самолетом.

Она распечатала данные полета, я внимательно их изучил и сказал:

– Все хорошо.

Инга предложила еще и гостиницу:

– У меня есть одно специальное предложение от отеля «Камертон». Пять звезд. Могу вам устроить отличный номер на Пикадилли за полцены. Комната с прекрасным видом... И трансфер из аэропорта включен.

Закончив с поездкой в Лондон, Инга порылась в бумагах на своем рабочем столе, нашла небольшой рекламный листок с фотографией Иртифахана и сказала:

– Вот, смотрите, какое прекрасное место.

Я взглянул на бумажку...

Горная лужайка с красными маками, зеленая трава, снег на вершинах вдаль, а еще дальше – затерянный в скалах монастырь. От этой фотографии у меня мурашки побежали по спине.

Инга объяснила:

– Гарантированное посещение диких гор со старинными монастырями, где по сей день живут таинственные врачи. И все это у берегов легендарного Океана Страсти...

Неожиданно для себя я брякнул:

– Поедем вместе?

Инга залилась краской, а меня унесли мысли, и сердце екнуло. Перед глазами возник туман...

Откуда-то издали я услышал встревоженный голос Инги:

– Вы побледнели. Вам нехорошо?

Нахлынувшее недомогание откатило как волна, и я ответил:

– Ничего страшного... Можно воды?

– Конечно, сейчас...

Инга подала мне воду в пластиковом одноразовом стаканчике, а я сказал ей непонятную даже для себя самую фразу:

– Возможно, Иртифахан – это именно то, что мне нужно.

Зазвонил мой мобильный. Это была Софи.

– Ты освободился?

– Да.

– Хорошо. Я выезжаю. Буду напротив агентства минут через тридцать. Как раз успеем к назначенному времени.

– Хорошо...

Четвертая глава

Международный опыт продвижения нового энергетического напитка "КайТайФуна"

Выйдя на улицу, я начал думать, чем заполнить полчаса до приезда Софи. На улице стоять не хотелось, и я машинально направился в ближайший бар. За дверью я нашел полумрак, табачный дым и девушку в очень короткой юбке. Сев в угол, я заказал большой бокал разливного пива и фирменный клуб-сэндвич...

С экрана телевизора на меня орал лидер оппозиции Крикунов. Доказывая свою правоту, он краснел, потел и махал руками как сумасшедший:

– У нашей страны не правительство, а завоеватели! Посмотрите вокруг! Что они надедали? Сельское хозяйство разрушено! Экономика убита и похоронена! здравоохранение и образование в руинах! Осталось физически истребить население, что они и сделают, если вы не потребуете их немедленной отставки!

После Крикунова показали Марию, которая заявила:

– Я готова встретиться с лидером оппозиции, если он перестанет нагнетать обстановку и членораздельно сформулирует разумные требования...

Сердце у меня опять дернулось, попыталось выскочить и забилося чаще. Я подумал, может не стоит пить пиво, но тут девушка принесла запотевший высокий бокал с шипучей жидкостью. Оно вовсе не выглядело опасным, и, уже не задумываясь, я сделал несколько больших глотков...

Пиво начало разливаться по телу с нежностью, устраивая мгновенный праздник чрева, и, как ни странно, полностью сняло странные ощущения в груди. Тем не менее, я понимал, что нельзя все списывать на похмелье, и дал себе слово: «Вернусь из Англии, и проверюсь у кардиолога».

Приняв такое решение, я с удовольствием допил бокал, и предвкушение встречи с Софи.

Мои мысли сбил клуб-сэндвич – кусок поджаренного мяса, овощной гарнир и белая булочка. Я почувствовал, как заработали мои железы и начали выбрасывать слюну в рот. Уже был готов надкусить, но Софи испортила удовольствие звонком:

– Выходи. Жду перед агентством Инги.

Я с сожалением посмотрел на еду и сказал:

– Бегу...

В машине я попытался ее обнять, но она меня остановила:

– Постой, ты испортишь мне макияж и помнешь платье.

Как всегда, она была одета вызывающе. Короткая юбка подчеркивала ее стройные ноги, а глубокий вырез обнажал часть ее восхитительной груди. Когда я видел ее такой, у меня возникало единственное желание уединиться с ней.

– К черту Кэтчера, поедем к тебе! – предложил я.

Чувствовалось, что Софи льстит моя неугомонность, однако она ответила:

– Кэтчера мы бросить не можем. Он нужен нам! Слишком большая ставка. А ко мне можем поехать после.

Я взмолился полушутя:

– Сжался! Я готов заняться любовью с тобой немедленно, прямо в машине.

Она остановила меня и строго сказала:

– Только после встречи! Этой аудиенции я добивалась целый год. Вела переписку, собирала всевозможные материалы и статистические данные, создавала отчеты. Теперь у нас есть шанс заработать быстрые деньги. Сам понимаешь, фармакологическая компания Кэтчера –

одна из крупнейших в Европе! Их годовая прибыль пятьдесят миллиардов! Они специализируются на психотропных лекарствах и хотят войти на наш рынок.

Я согласился:

– Хорошо, сначала поедem за быстрыми деньгами. А какой конкретно план у него?

Она ответила:

– Подозреваю, что он хочет утвердиться на нашем рынке и ищет компаньонов. Вот и мы, лучшие компаньоны.

Мы вошли в вестибюль «Камертона», где нас встретил секретарь Кэтчера и повел нас по красивым ковровым коридорам в ярко освещенный зал переговоров. Там он усадил нас за большим овальным столом, предложил прохладительные напитки и сказал:

– Мистер Кэтчер скоро подойдет.

Пока мы ждали, я нес какую-то чушь:

– Хочу после встречи уединиться с тобой прямо в этой гостинице.

Софи отвечала:

– Мы еще не так богаты, но, если будешь вести себя хорошо и если будешь слушаться меня, то все скоро исправится к лучшему.

Я кивнул:

– Что мне делать?

– Сиди смирно. Выскажешься, когда тебя будут спрашивать...

Дверь переговорной широко открылась, и на пороге появился секретарь. Он объявил торжественно:

– Сэр Кэтчер.

Тут в пространство ураганом ворвался гений фармакологии. Он подлетел к Софи, заулыбался, нежно поцеловал ей руку и сказал, не скрывая радости:

– Я счастлив, что вы нашли время для меня. Восхищен вашей прелестью...

Софи кокетливо рассмеялась, а во мне вспыхнуло неконтролируемое чувство ревности и злости. Как она может так заигрывать в моем присутствии?! Я почувствовал себя круглым идиотом! Захотелось разорвать гадкого иностранца и убить Софи, однако, она обернулась, обворожительно улыбнулась, еле заметно подмигнула мне и сказала:

– Мистер Кэтчер, позвольте представить доктора Николая. Это один из известнейших нейрохирургов с международным именем, активный член ассоциации врачей.

Тут я остыл, а Кэтчер пожал мне руку:

– Такие люди, как вы, нам всегда нужны!

Я ответил растерянно:

– Спасибо. Буду рад служить.

Потом Кэтчер попросил нас разместиться вокруг овального стола и сказал:

– Не будем терять время. Оно всегда ограничено, и тот факт, что его нельзя купить ни за какие деньги, делает его самым ценным продуктом во вселенной. Так захотел Бог! Я лично с Ним не согласен, однако, у Бога свой бизнес и я не хочу вмешиваться в его дела. Уверен, вы о нас все знаете, ведь «Кэтчер Лабс» в презентации не нуждается. Наши производственные мощности, включая заводы и научные центры, разбросаны по всему миру. Кроме медикаментов мы занимаемся микробиологией и товарами по уходу за телом. Мы создали ряд вакцин, препараты для лечения онкологии, диабета, психических расстройств и так далее. Компания основана моим прадедом, и сегодня она входит в международную организацию Фармакологи без границ. Мы являемся частью ООН. Передаю вам документ с детальным описанием моей компании.

Секретарь передал нам папку, а Кэтчер похотливо уставился на Софи. Это меня опять задело, но особенно взбесила кокетливая улыбка, с которой она ответила:

– Это большая честь получить от вас интересный документ. Мы с ним внимательно ознакомимся.

После этого Кэтчер обратился ко мне:

– А вы что скажете?

Сердце колотилось и рвалось от нахлынувших эмоций, и я брякнул:

– Вы не упомянули о судебных процессах, которые постоянно преследуют «Кэтчер Лабс». Итальянская налоговая инспекция обвиняла вас в многомиллионных подношениях врачам, чтобы они продвигали ваши товары. Прокуратура Берлина уличила вас во взятках должностным лицам, а суд в России добился запрета на клинические испытания ваших вакцин на детях, потому что вы скрывали информацию о побочных действиях. Перечень можно продолжить. Это были громкие дела.

Встревожившаяся Софи яростно сверкнула глазами в мою сторону, а Кэтчер нахмурился и неожиданно воскликнул:

– Мне нравится этот парень! Наши партнеры должны знать о нас все! Да, это правда. Во многих странах чиновники нуждаются в деньгах. Им все мало, вот и поднимают шум, чтобы выбить из нас побольше. Но мы не поддаемся. Дешевле заглушать скандалы. Что делать? Все крутится вокруг этого.

Тут Кэтчер выхватил из кармана пиджака банкноту в один доллар и ткнул ее мне в лицо. Передо мной замаячила странная пирамида с оторванной верхушкой, в которой светилось око.

Голос Кэтчера доносился как из погребца:

– Вот в этого единого Бога верят все! Этого жаждет душа каждого! И ты хочешь побольше таких! Потому ты здесь, а я – твой возможный пропуск в тот рай, где денег не считают. Вопрос лишь в том, хочешь ли ты вырваться из ада нищеты?!

Вместо меня заговорила Софи, стараясь разрядить обстановку:

– Конечно, хочет. Мы оба хотим и готовы к сотрудничеству. Давайте перейдем к сути дела.

Кэтчер посмотрел на нее испытующим взглядом, спрятал свою банкноту в карман и ответил:

– Перейдем к сути. Итак, мы хотим запустить в вашей стране наш «кенийский проект». Картина проста. Мы расширяем свою сферу, создаем новые продукты и начинаем продвигать на местный рынок новый энергетический напиток.

Тут Кэтчер повернулся к секретарю:

– Подайте образцы нашим гостям.

Секретарь поставил перед нами поднос с разноцветными металлическими баночками и два стакана. Кэтчер сказал:

– Этот энергетический напиток выпущен на нашем заводе в Австрии. Он имеет оригинальное, легко запоминающееся название «КайТайФун» и производится в трех вариантах: «Рикшист», «Сексист» и «Менталист».

Софи развеселили эти слова, и она воскликнула:

– Очень оригинально!

Кэтчер предложил:

– Пожалуйста, попробуйте на вкус.

Софи открыла первую баночку под названием «КайТайФун – Сексист», и с улыбкой налила мне, а себе взяла другую баночку, с этикеткой «КайТайФун – Менталист».

Я отпил большой глоток густой газированной жидкости ядовитого цвета. На удивление, вкус оказался не таким гадким, как я ожидал. Напиток немедленно поступил в кровь, которую сосуды распределили по мускулам и нейронам, придавая телу неожиданную бодрость. Вместе с тем по всем органам пробежала дрожь, и сердце необычно екнуло.

Софи тоже попробовала свой «Менталист», а Кэтчер начал пояснять:

– «КайТайФун» быстро приводит в действие резервы организма, придавая человеку дополнительные силы для деятельности. Можно догадаться, что «Рикшист» увеличивает физическую силу, «Сексист» усиливает потенцию, а «Менталист» приводит в действие резервы мозга.

Софи подхватила:

– Я даже почувствовала прилив сил в моем мозгу. А что почувствовал ты, Николай?

Я тупо улыбнулся, пожал плечами и начал читать надпись на баночке. Перед глазами замелькали названия элементов, а в голове запрыгали формулы, приводя в действие накопленные знания о биохимии мозга.

Тем временем Кэтчер продолжил:

– Вот наш план: для продвижения нашего продукта, первым делом, мы сбрасываем цену ниже себестоимости и первые месяцы работаем себе в убыток. Одновременно запускаем агрессивную рекламу, и скоро новый энергетический напиток становится неотъемлемой частью клубной жизни молодежи. Год спустя мы уже займем достойное место на рынке, плавно скорректируем цену и выйдем на прибыль... Доктор Николай, вы очень увлеклись текстом на баночке. Скажите, что интересного вы там нашли?

Я ответил спокойно:

– Здесь кофеин и таурин – вещества, дающие необходимый тонизирующий эффект. Кофеин ускоряет работу внутренних органов, повышает давление и высвобождает ресурсы организма. Таурин улучшает обмен веществ. Еще есть витамины для улучшения моторики, а также сахар. Напиток повышает работоспособность и улучшает настроение. Причем, в отличие от кофе, его действие продлится дольше. Большая доза даст эффект легкого наркотического опьянения, вызванного чрезмерной перегрузкой нервной системы.

Кэтчер похвалили меня:

– Очень интересный и точный анализ. А что бы вы сказали, как доктор, о долговременном действии?

Я ответил:

– Очевидно, что в этой банке нет никакой энергии. Результат достигается за счет высвобождения резервов организма. А взятую в долг силу нужно вернуть. Если употреблять это раз в месяц, то ощутимый вред никто не почувствует. Но ежедневное применение не даст организму возможность восстанавливаться. Для достижения необходимого эффекта человек будет потреблять все больше и больше, нанося своему здоровью непоправимый ущерб. Кроме того, напиток может расшатать нервную систему, вызвать язву желудка, нарушить деятельность сердца, спровоцировать аритмию и тахикардию в начале, а потом – инфаркт миокарда. Если же выпить десять банок подряд, можно и умереть. Сам кофеин вызывает привыкание, но здесь к тому же есть вещество морофен, благодаря ему от «КайТайФуна» возникнет сильная зависимость.

Кэтчер зааплодировал:

– Bravo! Вы настоящий профессионал! Именно такие люди нам нужны! Вижу, вам наш напиток понравился. Вы очень смекалисты. Молодец! Морофен – наша фирменная добавка, которая обеспечит защиту наших капиталовложений. Попробовав «КайТайФун» один раз, люди должны желать еще и еще. Именно из-за этого нужно ожидать, что круг потребителей будет широким. Мы поседем среди молодежи тягу к нашему энергетическому. Это программа уже оправдала себя в Кении, потому мы и называем ее «кенийским планом». Что скажете?

Софи отреагировала сразу:

– Думаю, проект очень интересный. Вы вкладываете солидную сумму для продвижения товара. Это необходимо для будущего коммерческого успеха. Наше участие будет значимым. Я могу наладить реализацию и обеспечить государственную поддержку через министерства, подчеркивая, что мы создаем дополнительные рабочие места.

Кэтчер опять уставился на декольте Софи, искры страсти заплясали в его глазах, что вызвало во мне еще одну волну ревности, и я выпалил:

– Насколько я понял, суть «кенийского плана» в том, что мы намеренно и целенаправленно подсаживаем людей на полудюветый полунаркотик и потом получаем прибыль от продаж.

Софи укоризненно посмотрела на меня, а Кэтчер улыбнулся и спокойно ответил:

– Не нужно перегибать палку. Энергетики придумали не мы. Согласен, чрезмерное употребление принесет вред, и мы указываем это на баночке. Но, что делать, если люди неразумны? Они всегда выпивают больше дозволенного. Таков характер человека. Люди всегда травили себя ядами. Все дело в человеке и в его потребительском поведении. Главное, что мы никаких законов не нарушаем.

Тут вмешалась Софи:

– Доктор Николай имел в виду то, что...

Кэтчер неожиданно резко перебил ее:

– Я отлично понял, что имел в виду доктор, милочка! Всегда существует обратная сторона медали. Но бизнес не строится на заботе о людях! Человек лезет из кожи вон, пытается заработать побольше, но лишь для того, чтобы потратить одну часть на пагубные развлечения, разрушающие здоровье, а другую часть отдать на неудачные попытки восстановить потерянное здоровье. Чем больше человек зарабатывает, тем больше он тратит именно на такой яд, как алкоголь, сигареты, наркотики и энергетические напитки. И что вы нам прикажете? Пожертвовать деньги на благотворительность и указывать людям на ошибки? Нет! Это не бизнес! Бизнес – это понимание реальности и производство товаров, у которых есть спрос. Вот и все! Как дважды два... И важно еще то, что мне легко найти других партнеров в этом деле, с которыми у меня будет большее взаимопонимание.

Тут Софи занервничала, начала кокетничать и, водя пальцем по верхней части своей полуобнаженной груди, игриво заговорила:

– Мистер Кэтчер, я уверена, что мы достигнем полного взаимопонимания. Не так ли, доктор Николай?

Ревность закипела во мне с новой силой, да еще к неприятным эмоциям прибавилось учащенное сердцебиение, вызванное выпитой банкой «КайТайФун – Сексист». Однако я подавил эмоции, чтобы не навредить делу, и сказал, сдерживая себя:

– Конечно, у нас полное взаимопонимание. Я за этот проект и готов честно проделать свою часть работы.

Кэтчер улыбнулся, встал и обратился к Софи.

– Раз так, то можно считать нашу встречу продуктивной. Я вам оставляю упаковку нашего напитка, попробуйте, оценивайте. Надеюсь на скорую встречу.

Он недвусмысленно покосился на Софи, которая обворожительно улыбалась ему, и быстро удалился вместе с секретарем.

Пятая глава

Ревность и страсть под музыку сексиста

Мы вышли на улицу, огрызаясь друг на друга.

Наверное, я выглядел смешным, бушуя от ревности и неуклюже придерживая в руках упаковку из двенадцати бутылок «КайТайФуна».

– Ну, ты молодец! Вела себя, как настоящая жрица любви. Выставляла напоказ то грудь, то ножки. Этот козел тебя глазами насиловал...

Сев в машину, Софи хлопнула дверью и закричала в ответ:

– Козел не он, а ты! Испортил всю встречу своей тупой ревностью!

Я сел в машину вслед за ней, продолжая громко возмущаться:

– Я не тупой, а злой от того, что ты всей своей сущностью выражала готовность отдаться Кэтчеру прямо на столе! Я чуть не задушил вас обоих!

Софи завела машину и заорала:

– Слушай, Отелло! Души кого хочешь, но не порть мне дело! Я не хочу упускать этот редкий шанс заработать! И ни с кем я не кокетничала, а вела себя как желанный деловой партнер.

Во мне кипели волны ревности. Я не мог больше сдерживать себя от переполняющей меня злости. Не обращая внимания на жуткую тахикардию, которую списывал на выпитый «Сексист», я уже не контролировал себя и закричал, как последний истерик:

– Ты вела себя как похабный секс-символ!

Софи самодовольно улыбнулась в ответ:

– Заткнись, кретин! У тебя крыша поехала! Не буду я перед тобой оправдываться!

Это меня взбесило:

– Кому нужны твои оправдания! Я же видел! Вы так страстно смотрели друг на друга, что было тошно!

Тут Софи ударила по тормозам и закричала во всю глотку:

– А сейчас мне тошно от тебя! Я не дам тебе испортить мои деловые отношения с Кэтчером! Впервые в жизни у меня есть шанс добиться чего-то весомого, а ты, вместо того чтобы помочь, устраиваешь сцены. Если тебе что-то не нравится, убирайся вон!

Я еле дышал. Сердце колотило в груди. Я хотел выскочить из машины и исчезнуть, но рядом с нами остановилась патрульная машина. Полицейский сердито посмотрел на меня и заговорил в громкоговоритель:

– Не задерживаете движение! Здесь нельзя останавливаться!

Теперь я понял, что из-за нас остановилась вся улица. Софи обворожительно улыбнулась полицейскому, кивнула в знак полного послушания, и машина тронулась дальше.

Остальную часть пути мы ехали молча.

Меня мучили противоречивые чувства. Мне хотелось разорвать Софи на части и, в то же время, броситься перед ней на колени в знак извинения.

Она молча остановила машину у своего дома, вышла, не сказав ни слова, и быстрым шагом направилась к подъезду.

Я еле дышал от волнения. Мне хотелось исчезнуть. Я сделал несколько шагов, как вдруг передо мной остановилось такси:

– Добрый вечер. Мне кажется, тебе нужно прокатиться...

Я узнал водителя:

– Антуан.

Он весело ответил:

– Точно! Поедем?

Я открыл дверь автомобиля, сел на заднее кресло и бросил рядом упаковку «КайТай-Фуна».

Машина тронулась, и я сказал Антуану:

– Очень странно, что в таком огромном городе мы с тобой встречаемся уже второй раз за день.

Антуан улыбнулся и ответил:

– Ну, про большой город ты преувеличиваешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Вот, представь, что ты взлетаешь, поднимаешься все выше над городом и уже летишь высоко над планетой так, что внизу блестит голубой океан. Города зажигаются, как маленькие лампочки на елочке, а в воздушной голубизне ты видишь закат Луны. Она плывет по земной атмосфере, опускается в нее и теряется в синеве. Полет ускоряется, и ты летишь прямо над неописуемой красотой зеленоватого северного сияния. Но вот ты устремляешься ввысь, и теперь наблюдаешь восход Земли с Луны. Это захватывающее зрелище завораживает тебя, и ты понимаешь, что твой большой город совсем не такой уж и большой. Отсюда он смотрится как пылинка... Но ты летишь еще дальше, за Солнце, в глубину галактического безмолвия, и теперь не только Земля, но и вся Солнечная система превращается в пылинку...

Антуан замолчал.

Я был удивлен:

– Ты настоящий поэт. Рассказываешь, будто сам так летал.

Он ответил:

– Я просто о том, что большим этот город можно назвать лишь со многими оговорками. Однако будь он хоть пылинкой, хоть мегаполисом, главное, что ты на самом деле даже не знаешь, куда ехать.

Вдруг во мне опять разыгралось чувство бешеной ревности. Перед глазами возникла картина: Софи заигрывает с Кэтчером. Это воспоминание прямо душило.

Антуан с пониманием смотрел на меня через зеркало заднего вида и сказал:

– Видно, что в деле замешана женщина. Это не страшно. Когда со мной было такое, я сел за руль и поехал, куда глаза глядят. Давай сейчас попробуем то же самое. Я буду ехать куда попало, а ты осматривайся. Думаю, поймешь, куда направиться.

Машина начала блуждать по городу, а я – по дебрям своих беспокойных чувств.

Как она могла так нагло заигрывать!

За окном автомобиля мелькали витрины магазинов, ресторанов и кафе. На перекрестке я увидел рекламу сочного гамбургера. Вспомнил, что сегодня не завтракал. Даже не успел клуб-сэндвич попробовать, который так вкусно красовался передо мной на тарелке. Реклама утверждала, что гамбургер содержит только натуральные продукты. Я понимал, что это чистая ложь, но какая разница? Я решил пообедать и сказал Антуану:

– Видишь эту рекламу?

Антуан посмотрел вверх и ответил:

– Да.

– Там и адрес ресторана. Это недалеко. Отвези меня туда.

Антуан понимающе кивнул, и машина повернула направо. Через несколько минут я вошел в переполненный зал. Пахло жареным мясом, а я жарился в собственных чувствах: «Нет, так я не уйду от нее! Я сначала вернусь к ней, скажу, как я ее любил, скажу, как много она потеряет, оставшись без меня, и дам ей почувствовать, как она не права! А потом развернусь и отправлюсь, куда глаза глядят. Оставляю ее мучиться в одиночестве...»

Молодой парень за прилавком поднял руку и закричал:

– Касса свободна!

Я подошел в задумчивости.

– Здравствуйте. Что желаете заказать? – спросил юноша.

Вдруг я вспомнил, что Софи всегда заказывала здесь бургеры с рыбой, и решил взять еду с собой к ней. Парень выслушал и повторил за мной:

– Итак, два бургера с рыбой, два больших пакета жареной картошки и два шоколадных пудинга. Что будете пить?

Упаковка «КайТайФуна» ждала меня на заднем кресле такси и я решил, что еду будем запивать энергетиком.

Антуан посмотрел на пакет с едой в моих руках и сказал:

– Теперь чувствуется, что вы уже знаете, куда ехать.

Я ответил:

– Да. Едем обратно...

Он быстро доставил меня обратно к подъезду дома Софи и сказал:

– Желаю приятно провести время. Но у меня такое ощущение, что мы сегодня еще раз увидимся.

Я удивился:

– Откуда такое ощущение?

Он объяснил:

– Мы два раза уже встретились, а Бог троицу любит. Значит, будет и третья встреча.

Я расплатился и ответил:

– Хорошо. Я не против.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я думал: «Зачем я иду к ней? Что я там потерял? Нарываюсь на то, чтобы она меня выгнала».

Дверь оказалась не запертой, и я вошел, задав в пустоту вопрос:

– Софи, ты где?

Квартира у нее небольшая. Сразу за прихожей гостиная, потом направо кухня, кабинет налево и спальня впереди. Было пусто и я неуверенно позвал:

– Софи...

После этого я приоткрыл дверь спальни. Там было темно. Занавески завешаны. Вдруг загорелся ночник у кровати. Тусклый свет как будто пополз по простыням и одеялам и осветил полуголую Софи в постели. Она улыбнулась застенчиво и сказала завораживающе:

– Где ты ходил так долго? Иди, я ждала тебя.

У меня выпала из рук упаковка «КайТайФуна» а за ней и пакет с гамбургерами. Улетучились все враждебные фразы, испарились все злые мысли...

Не отдавая себе отчета, я без слов очутился в постели рядом с ней и почувствовал взрыв страсти...

* * *

Потом мы закурили, лежа на спине. Моя ревность исчезла бесследно, и я спросил:

– Хочешь есть?

– Хочу, но в доме нет еды.

– Я принес...

В ее глазах заблестел восторг.

Я вскочил воодушевленный и вернулся в постель с пакетом. Софи разорвала упаковку и воскликнула:

– С рыбой! Ты купил мою любимую еду...

– На здоровье, – ответил я.

Некоторое время мы ели молча, шурша бумагой. Я почувствовал, как еда начала расплываться в желудке, а сердце задергалось. Биение то усиливалось и учащалось, то мерцало, как затухающая лампочка, но я не обращал внимание.

Софи сказала:

– Принеси энергетик Кэтчера, запьем им гамбургеры.

– Сейчас... Какой тебе открыть?

– Хочу попробовать баночку «Сексиста».

Я засмеялся:

– Проверим действие.

Пару секунд спустя я снова улегся в постель с баночкой энергетика и, открыв ее, предложил сначала Софи. Она выпила половину, передала мне и сказала:

– Вкус какой-то странный.

Я допил и, сделав паузу, ответил:

– Да, но мне кажется, что действует...

Она улыбнулась:

– Так быстро?

– Мне уже не терпится накинуться на тебя...

– Тогда иди скорей...

И опять в спальне Софи взорвался фейерверк страсти...

* * *

Мой мобильный позвонил очень некстати. Софи недовольно перевернулась и простонала:

– Кошмар. Иди, отвечай.

Я подполз к брюкам за телефоном, нашел этот гадкий предмет в переднем кармане и взглянул на экран. Звонила Мария.

– Привет, – сказал я.

Она спросила:

– Ты где?

Сделав секундную паузу, я ответил уверенно:

– На встрече. В фармакологической компании.

Софи недовольно поморщилась, встала и пошла в ванну.

Мария сказала:

– Здесь творится полный кошмар. Крикунов спятил. Ведет страну к пропасти. Он сумасшедший... Ну, потом расскажу, а сейчас у меня к тебе просьба.

– Я слушаю.

– Нам нужна поддержка международных общественных организаций. Я хочу, чтобы ты позвонил своему другу из британского фонда «Врачи без границ» и попросил их сделать заявление в поддержку правительства. Надо успеть к вечернему выпуску новостей.

Я осмыслил ее просьбу и сказал:

– Хорошо. Я сейчас позвоню.

Мария уточнила:

– Передай им мое предложение. Пусть назначат пресс конференцию ровно в пять, а я направлю телевизионщиков. Заявление фонда станет главной новостью шестичасового выпуска. В благодарность, после нашей победы на выборах, я включу их в государственную программу медицинского страхования. Для них это дополнительный доход в размере двух миллионов в год.

– Думаю, он будет доволен.

– Ладно, целую.

Я вздохнул и положил телефон на тумбочку. Сердце успокоилось. Тахикардия исчезла, хотя пульс оставался учащенным. После пива и «Сексиста» это не должно удивлять.

Вернулась Софи. Сбросила халат, залезла обратно в постель и сказала:

– Ты знаешь, «Сексист» и на меня сильно действует. Я тоже захотела броситься на тебя...

– Тогда иди скорей...

Мы опять потянулись друг к другу, но мой мобильный снова зазвонил.

Софи воскликнула:

– Это какой-то ад!

Я сказал:

– Успокойся. Не буду отвечать.

Она покачала головой:

– Нет, уж. Раз звонит, иди, отвечай.

– Хорошо, я его сейчас выключу.

– Ну, иди, отключай.

И тут...

Мне сложно описать последующее из-за нехватки соответствующих слов, но, конечно, я попытаюсь...

Я резко повернулся к тумбочке, чтобы дотянуться до звонившего аппарата. И...

Мое сердце вдруг резко забилося, как насмерть подстреленное чудовище... Вместе с тем, кровь хлынула по артериям так, что давление ощущалось в ногах. Все мое тело и внутренние органы одновременно задрожали. Ужасная, нестерпимая головная боль разрывала мозг.

И тут меня начало выворачивать наизнанку...

Жуткая рвотная жидкость полилась изо рта, а конечности стали вялыми как тряпка.

Тело мне уже не подчинялось.

Звонок мобильного растянулся на вечность, я продолжал отчаянно тянуться к телефону, чтобы отключить его.

И тут меня оглушил резкий, звонкий и четкий хлопок.

Я бы называл его всепроникающим хлопком.

Он чувствовался во всем теле. Я его услышал всеми органами одновременно, каждой точкой своего сознания.

Казалось, будто мое тело целый день ждало именно этого хлопка и, получив его, вдруг угомонилося.

И я поплыл...

Да!

Я именно поплыл в сторону мобильного на тумбочке.

Желание отключить его еще осталось, но...

Я нечаянно скользнул в аппарат, почувствовал в себе микросхемы, мерцающий экран и все номера адресной книги одновременно...

Это ужасное чувство отбросило меня к потолку, хотя руки продолжали тянуться за телефоном, удлинняясь как резиновые...

И перед тем, как выпасть из сознания, я понял, что это не мои руки.

У меня больше не было рук...

Шестая глава

Полет сквозь божественные океаны

Сначала я даже не понял, где нахожусь. Надо мной темнело бескрайнее небо без единой звездочки. Я сам плавно носился над непостижимой водной стихией в крошечной тьме. Глаза не видели, ибо их не было!

Было лишь яркое восприятие.

Тончайшие струны Духа моего легко вбирали пустоту простирающейся Вселенной. И Дух мой был един с тьмой небесной надо мной, и тьмою водной подо мной.

Все, включая меня, простиралось в пустоте до бесконечности... И я летел быстрее света по пустоте, сквозь тьму, где не было ничего.

Света не было.

Был лишь Дух мой, полностью погруженный в глубину себя самого, в состояние безмолвия, безмыслия и беспредельности.

Боже!

Какое это блаженство!

И тут молнией мелькнула искра мысли. Она радугой загорелась в глубине океана тьмы подо мной и притянула меня. Не в силах сопротивляться закону притяжения, я последовал за ней, опустился в глубину пучины, и передо мной открылся волшебный мир великой Золотой Пирамиды. Она ни на чем не стояла, никуда не устремлялась и была настолько великой, что даже мысль Духа моего не могла ее объять. Пирамида кружилась в пространстве, создавая неопишимо прекрасную вибрацию Божественной музыки. Ее вершина засветилась. Подплыв поближе, я понял, что вибрация Золотой Пирамиды начала порождать миры. Это было захватывающее зрелище! Из высокой острой вершины вырывались все новые облака пламени, которые рассыпались по бесконечному пространству и начинали жить собственной жизнью. Мне захотелось приблизиться вплотную к Золотой Пирамиде, и тут я понял, что она притягивает не только меня. Вокруг нее уже собрались миллионы Духов! Все они были подобны мне, и я всех чувствовал. Мы были едины! Пирамида призвала нас сильнее. Некоторые из нас начали проникать в нее. Я долго витал вдоль ее сверкающей стены, наслаждаясь теплом, потом коснулся к ней и нырнул внутрь.

Там я наполнился величайшей силой Творения. Я устремился к ее вершине, загорелся огнем созидания, вылетел вместе с рассыпанным огнем и понял, что хочу нарисовать свой мир! Во мне заиграла Божественная музыка, я закружился в чудесном танце вселенской вибрации и неожиданно осознал, что Золотая Пирамида танцевала вместе со мной.

Рассыпанный вокруг меня огонь словно почувствовал вибрацию моего танца и заплясал в чудесном хороводе, превращаясь в звезды и планеты. Я чувствовал, что мой танец рождает мириады прекрасных, чудесных, гармоничных галактик.

Я созидал свою Вселенную!

Танец закончился лишь тогда, когда мой прекрасный мир начал жить собственной жизнью. Тут я ощутил, что пришла пора идти дальше.

Следуя за ощущениями, я окунулся в глубину своей самости и снова очутился в океане – у дна морского, под небом звездным.

Вся Вселенная была продолжением Духа моего, а Дух мой был продолжением всей Вселенной.

Устремляясь вниз, я понял, что мне нужен корабль. Сверкнувшая молнией мысль превратила меня в восхитительное судно дальнего плавания. Конечности превратились в весла, и, повертев ими, я пустился в захватывающее путешествие через море кристальной чистоты.

Я плыл по спокойной глади миллиарды лет, и на окраине вечности передо мной возник чудесный остров.

Там я увидел берега прелести, цветы благоухания, деревья плодородия и скалы могущества. Животные и птицы восхваляли Господа, кто как мог. Все было частью Его, включая меня. Это был мой Райский остров с Эдемскими садами. Долго я наслаждался прелестью собственного творения.

Вдруг я увидел, что с острова ко мне летит Голубь Быстрокрылый. Он опустился мне на плечо и преподнес клювом кисть виноградной Лозы. Я принял его дар и сказал:

– Спасибо тебе, мой Райский Голубь.

Он же заворковал в ответ:

– Я пребуду здесь...

Я улыбался ему:

– Воля твоя. Пребывай.

Я бережно спрятал кисть виноградной Лозы в золотой сундучок, а голубь послал мне вибрацию любви.

Теперь нас было двое – я и Быстрокрылый у меня на плече. Мы поплыли по безмятежной воде, удаляясь от Райского острова, дыша прозрачной чистотой морского воздуха и упиваясь ласковым теплом восходящего Солнца. Господь проникал в наши души, набирая аккорды Божественных нот. Эта музыка, переходя в дуновение Господне, подталкивала меня все дальше от райских берегов, и я безотчетно рассекал очаровывающую неподвижность вод, пока Эдем не скрылся с наших.

Скоро у горизонта появилось растущее золотистое облачко, а под ним было настоящее чудо – морская лестница.

Да!

А как иначе назвать водяной ступенчатый спуск, где океан рисовал полотно стихии, понижаясь до глубоких впадин и принимая форму громадной лестницы с тремя великими ступенями размером в целые моря? Ступени переходили друг в друга высокими водопадами. Нижние моря бушевали, в то время как на верхних царило спокойствие...

Тут я понял, что нам предстоит головокружительный спуск. Наверное, то же самое подумал Быстрокрылый и заворковал:

– Летим дальше?

Я ответил:

– Летим! Ибо Божественная симфония, играющая внутри меня, направляет нас туда.

Голубь вспорхнул, сделал круг над головой, как бы благословляя меня, и, опустившись обратно на плечо, проворковал:

– И я с тобой...

Благословение придало мне дополнительную смелость, и я поплыл быстрее. Безобидное же облачко начало вырастать в грозовую тучу, порождая множество себе подобных, и в одно мгновение вся твердь покрылась угрюмой чернотой со сверкающими косыми молниями.

Бурлящая волна скоро выбросит меня в огромный водопад. Надо грести сильнее, чтобы оседлать поднявшийся вал и удержаться на вершине высокой волны. Я быстро задвигал веслами, водоворот же увлек меня, и мгновение спустя мой корабль летел вниз на гребне волны, как на прыгнувшем в пропасть жеребце.

Я падал сквозь неопределенность черных туч, сверкающих молний и громыхание грома, пока волна не принесла меня в среднее море. Оно было менее доброжелательным. Здесь не так сильно ощущалось единение с водой и пространством, и казалось, что Господь отделился от меня.

Я уже не чувствовал Его в себе.

Это меня встревожило. Обеспокоенный оглядывался я в поисках хоть какой-то опоры и скоро увидел перед собой Образ. Он был чистым и светящимся, упав на колени перед Ним, я взмолился:

– Бог мой! Молю, не бросай меня! Ты создал меня Духом, творившим Вселенную. Потом я погрузился в собственное существо, опустился вниз из верхнего моря, и Ты уже не проявляешься так явственно во мне. Передо мной встает всего лишь Образ твой. Что это? Я хочу вернуться к Тебе, но как подняться обратно наверх? Я повинуюсь Твоей воле и отправлюсь, куда укажешь, но знай, что душа моя жаждет быть лишь с Тобой!

Загремел гром.

Засверкали молнии.

И Образ сказал:

– Через падение вознесешься! Путь твой дальше вниз! Таков мой Закон!

Сказав это, Образ исчез в сверкающей молнии, и я понял, что нахожусь на краю следующей водной пропасти.

Быстрокрылый на моем плече заворковал:

– Не бойся!

И я смело направился навстречу обезумевшей волне.

Она хотела накрыть корабль, но мне удалось обуздать ее, и вместе с ней мы вылились в омут бурлящего океана.

Неожиданно проснувшийся инстинкт подсказал мне, что нужно приложить усилия, ибо если скорость гребли не превысит падение самой волны, то я утону. Достаточно было лишь подумать об этом, и мощь моих весел возросла стократно.

Бог дал мне силы!

Я верю, Он не оставит меня!

Я заработал веслами еще быстрее, стараясь удержаться на поверхности. Тут мои руки размножились в сто весел. Усилившаяся мощь придала мне уверенность и, взмахнув всеми веслами одновременно, я начал грести против течения, не давая громадной волне поглотить себя. Мешал еще и бушующий шторм. Ветер шквалами налетал на меня, грозя перевернуть мое судно. Молнии ударили со всех сторон, и даже гром был такой силы, что казалось, его вибрация способна разорвать изнутри.

Полило как из ведра, и ко всем бедам добавилась еще одна: проливной дождь вдруг превратился в разрушающий град. Градины с кулак начали бить меня, причиняя нестерпимую боль. Хотелось все бросить, отдаться воле волны и погибнуть, но я продолжал сопротивляться, призвал Всевышнего и замахал веслами сильнее.

Мгновение спустя волна поддалась и согласилась взять меня в спутники. Покорившись, она признала меня, и мы превратились в одно целое. Это был безумный полет вниз: волна унесла меня в глубину океана.

Ошеломленный я вслушивался в тишину подводного мира, однако, спокойствие тут было кажущееся. Подводное течение подхватило меня, затрясло и опустило еще глубже, в мутную, пропахшую тиной воду. И там, на дне океана, я увидел затонувший город тысячелетние руины некогда великих сооружений возвышались над головой. Я плыл между развалинами гигантских домов, по улицам невероятной ширины, по необъятным площадям. Потом очутился над древним храмом, который стоял, величественно возвышаясь над остальными полуразрушенными постройками. Рядом с ним я увидел ошеломляющей величины дворец. Казалось, что здесь жили не люди, а великаны. Вот и гигантский памятник очаровательной богине. Она покоилась, но еще держится на пьедестале, продолжая призывать руины к единению с Богом. Громадная пирамида, напротив, светилась серебристым светом. Но она была лишь жалкой копией Золотой Небесной Пирамиды. Проплывая над ней, я почувствовал прилив сил и понял: это руины тех времен, когда жили на земле исполины, сыны Божии, которые стали входить к доче-

рям человеческим. Девушки рожали им сильных и славных людей. И тогда увидел Господь, что велико развращение людей на Земле и все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. Раскаялся Господь, что создал человека, почувствовал скорбь в сердце Своем и сказал: «Истреблю с лица земли людей, которых Я сотворил».

Так исчезли исполины.

Я посмотрел на себя и обомлел. Да я же сам великан! И тут заметил, что вода не выталкивала меня наверх. Наоборот! Она затягивала все глубже и, казалось, что тонуть уже некуда, но вдруг океанское дно разверзлось в одном месте, божественная рука подтолкнула нас, и подводное течение унесло корабль во впадину.

Мы упали в бездонную пропасть.

Боже!

Что со мной происходит?!

Я был Творцом Вселенной, а теперь, спустившись с небес, падаю в преисподнюю...

И тут корабль закрутила подводная кипящая волна, которая неожиданно выбросила нас на поверхность, в другую действительность, в совершенно иную зыбкую воду. Судно замедлило ход. Град и ливень перешли в мелкий холодный дождь, который пробивал до костей. Я огляделся и, спохватившись, положил руку на плечо:

– Быстрокрылый, где ты?

Его не было.

Сам же я обнаружил себя у штурвала какого-то странного судна. Вместо моего прекрасного корабля, я плыл на громадной деревянной лоханке, смазанной смолой со всех сторон. Только теперь я ощутил вонючий запах животного помета и понял, как жутко смердела вода, по которой я плыл.

Быстрокрылый спрятался...

Тут я почувствовал чье-то присутствие за спиной. Странный ужас охватил меня. Сначала я боялся оглянуться и ждал. Потом увидел длинный кинжал у себя на поясе. Не знаю, откуда и когда он появился, но он был кстати. Возможно, за моей спиной враг. Я решил неожиданно выхватить кинжал и внезапно напасть на него. Выждав некоторое время, так и поступил. С военным кличем обнажил лезвие, повернулся и принял боевую позу. Но, видимо, все это я проделал напрасно. Передо мной была жалкая компания из трех бородатых мужчин в лохмотьях и четырех женщин, закутанных в грязные тряпки. Мужчины тоже были великанами, как я, а женщины – пониже, в половину нашего роста. Я осмотрел себя и понял, что на мне тоже оборванные тряпки непонятного происхождения.

Некоторое время я удивленно смотрел на них, не понимая, откуда они тут появились и, наконец, выдал из себя вопрос:

– Кто вы такие?

Меня удивил собственный странный сдавленный голос. А люди передо мной вдруг ожили, задвигались в нерешительности и начали смотреть на меня с великим благоговением. Мужчина постарше заговорил первым и сказал с почтением:

– Спасибо! Ты еще раз спас всех нас!

Потом заговорил второй:

– Мы в неоплатном долгу перед тобой!

Наконец высказался и третий:

– Мы рабы твои, отче наш!

Я выкрикнул:

– Отче ваш?! Да, я первый раз вас вижу! Какой я отче ваш? Кто вы?

Мужчины нисколько не смутились. Смирненно опустили головы и ответили поочередно:

– Я Сим, твой старший сын, а это моя жена.

– Я Хам, твой средний сын, а это моя жена.

– Я Иафет, твой младший сын, а это моя жена.

Услышанные имена вызвали из глубин моего подсознания какие-то воспоминания, однако, происходящее показалось мне абсурдом, и я засмеялся:

– Ха, ха, ха! Сим, Хам и Иафет с женами. И я отче ваш. Выходит, что я Ной? Так?

Они склонили головы в знак согласия и повиновения, а четвертая женщина, та, которая выглядела старухой, ласково улыбнулась мне, шагнула вперед, низко поклонилась и сказала:

– Да, мой государь! Ты именно Ной! А я жена и рабыня твоя, Ноэма.

От этого заявления я пришел в ярость! Быстро направил клинок на уродливую старуху и заорал:

– Не смей приближаться, Баба-Яга.

Однако мои «сыновья» не возмутились, а поклонились мне, и Сим сказал:

– Не сердись на нас, государь! Ты воистину Ной! Сын Ламеха. Ты человек праведный, и ходишь ты перед Богом непорочный в роде своем! А мы воистину сыновья твои, Сим, Хам и Иафет, которых ты родил от Ноэмы, когда тебе было пятьсот лет.

Потом продолжил Хам:

– Мы все в ковчеге, который ты сам построил, как повелел тебе Бог. Смотри, он из дерева гофер, длиной триста, шириной пятьдесят, а высотой тридцать локтей, и сделал ты отделения в ковчеге и осмолил смолой все внутри и снаружи.

Наконец, заговорил Иафет:

– И навел Бог на Землю потоп, чтобы истребить всякую плоть, а в ковчег вошли мы и жены наши, все животные по паре, и ты провел нас по непостижимой буре, по подводным течениям и спас всех нас. Мы благодарим тебя, отче...

Они запели хором:

– Спасибо тебе, отче наш!

Во мне забурлила непонятная злость и вырвалась изнутри криком:

– Бред! Я не отче ваш! Вон с глаз моих, не то всех перебью!

Я набросился на них с кинжалом, и они в ужасе разбежались по углам вонючего судна.

Потом я бросился к корме корабля и начал кричать в ночную пустоту:

– Боже! Где ты? Неужели Ты меня бросил? Покажись мне!

Но Образ не появился.

И я зарыдал:

– Молю Тебя, Господь мой, выпусти Ты меня из этого ада. Я не хочу здесь быть. Молю! Освободи.

Бог не явился мне, не освободил, и Образ его не предстал передо мной. Я упал на палубу корабля и в полном отчаянии начал бить себя по голове. Но рассудок я не потерял и, решив покончить с этим безумием, тут же бросился в грязную, болотистую воду, пытаясь себя утопить.

И тут выпал из Ноева кошмара.

Седьмая глава

Одинокое танго вокруг собственного тела

Где-то совсем рядом тикали настенные часы, и я витал там же, прямо под потолком. Остатки живых грез о Ное медленно рассеялись, как сон, и я полностью ощутил страшную картину в спальне Софи.

На полу валяется мое бесчувственное тело. Оно свисает с кровати, как большой, грязный мешок. Почерневшее лицо перекошено, губы и щеки вымазаны едкой грязью желтоватой рвоты с остатками гамбургера в «КайТайФуне». Прижавшись к спинке кровати, Софи с ужасом смотрит на меня, умирающего, тихо плачет и шепчет:

– Как он мог...

Из пустоты возникает желание успокоить ее. Дуновение безмятежности слабым ветерком подталкивает меня, и я невольно поплыл к ней.

Я не представлял, что будет, когда я соприкоснусь с ней. Произошло самое неожиданное: сквозь ее грудь я немислимым образом проник в нее.

Но это было не физическое проникновение. Я очутился посередине ее невидимого мирка, где ярко ощущались все вибрации ее чувств и мыслей. Это кошмарное место ошарашило меня – урчащий энергетика в желудке, сумасшедший поток кровяных клеток, громоханием частого сердцебиения и ураган кислорода в легких. В растерянности осматриваясь по сторонам, я вдруг почувствовал молниеносный удар сильного разряда тока ее нервных импульсов. Это была белая вспышка прозрения. Передо мной живыми образами забегали ее мыслишки. По углам появились уродливые котята в кустах цветущей сирени, а в центре вспыхнула фигура голой Софи перед зеркалом. Она прихорашивалась, нервно накладывая себе макияж. У ее ног валялось мое гниющее тело, а волосы ей заплетал возбужденный Кэтчер. Все пространство пульсировало в унисон с ветром ее дыхания, который резво разносил зеленые денежные купюры, кружащиеся, как осенние листья. Сразу последовало громохание каскада ее мыслей: «Как он мог со мной так подло поступить?! Как он посмел умирать в моей постели? Я готова добить его, но надо делать что-то другое. Надо от него отделаться. Кто мне поможет? Майя?! Да! Она работает врачом в скорой! Звоню ей. Наверно, выгляжу ужасно. Вызову скорую и приведу себя в порядок...»

Тут появился возбужденный Кэтчер. Он упал перед голой Софи на колени и сказал:

– Ты прекрасна! Дай мне прикоснуться к тебе!

Софи снисходительно взглянула на него:

– Пока не до тебя. Фу!

Кэтчера сразу сдуло. Он превратился в букашку и молча отлетел в угол, унося с собой хвостик страсти:

– Я буду ждать тебя здесь...

Сначала я спокойно наблюдал за всем, но скоро во мне загорелся огонек негодования. Он быстро разросся в костер возмущения, и я взорвался: «Я там умираю, а она думает лишь о том, как от меня избавиться и быстрее привести себя в порядок. Да еще у нее в мыслях голый Кэтчер и деньги. А я для нее лишь обуза. Ах, ты стерва!»

Вулкан тревоги залил меня лавой, грозя расплавить мою хрупкую сущность. Я испугался, и страх вытолкнул меня из нее обратно к потолку.

Мне захотелось улететь отсюда подальше, но тут я заметил, что привязан к своему телу мерцающей голубоватой ниточкой, и подумал: «Надо бы мне оживить себя, встать и хлопнуть перед ней дверью. Да! Именно так!» Эта мысль придала мне некоторую уверенность, я поплыл к себе, почерневшему и скользнул внутрь.

Тут меня сразил сильный запах вязкой гнили. Ощущение было настолько мерзкое, что я отлетел и упал в гущу гнойных скоплений. Физиологическая свалка ядов начала меня быстро засасывать. Особенно смердели жир от бургера, и загнивающие от никотина легкие. Где-то за горизонтом моего понимания чувствовалась слабая вибрация угасающего сердцебиения, а кровь текла медленно, попахивая канализационным сливом. Я почувствовал, что мой мозг плавает в грязной жиже собственных отходов после внутримозгового кровоизлияния. Как врач, я понял, что умираю от инсульта.

Долго находиться в этом ужасном месте было нестерпимо. Я понял, что не в силах ожить эту гниль, и эта мысль сразу вытолкнула меня вон из себя.

Вернувшись к тикающим часам под потолком, я был охвачен страхом неопределенности. Дрожал от негодования, и в то же время, какая-то частица меня пребывала в спокойствии, и это странное сочетание противоположностей удерживало меня в некотором равновесии. Я попытался вернуть себе здравый смысл и решил в деталях прочувствовать окружающее. Все выглядело как прежде, но сейчас по-иному воспринимался цвет, и изменилось ощущение звука. Все было гораздо тоньше и легче, а время изменило свой ход, превращая действие в замедленные кинокадры. Тут, как из глухой пещеры, я услышал звонок своего мобильного. Во мне зажегся порыв немедленно ответить, однако желание двигаться сильно притупилось, и я завис на полпути, понимая, что ответить на звонок в любом случае не смогу.

Софи зашевелилась. Она дождалась, пока мой мобильный перестал звонить, и со своего телефона набрала Майю.

Она ей ответила быстро:

– Привет, Софи...

Тут я понял, что не слышу голоса, но ощущаю высказанные мысли, будто бы они звучат во мне. То же самое происходило со зрением. Видеть при помощи глаз я уже не мог, однако окружающее воспринималось внутри меня.

Софи неожиданно заплакала и сказала сквозь слезы:

– Он потерял сознание...

Майя строго ответила:

– Во-первых, бери себя в руки и высказывайся яснее. Кто потерял сознание?

– Николай. Ему стало плохо в моей спальне. Свалился с постели, почернел и еле дышит.

Помоги!

Майя, готовая к любым неожиданностям, сразу вникла в пикантность ситуации и начала давать четкие указания:

– Для начала сделай глубокий вдох, задержи дыхание и медленно выдыхай! Это успокоит тебя!

Софи все выполнила и сказала:

– Сделала.

– Молодец! Я уже выезжаю с каретой скорой помощи. Не отключайся, буду задавать вопросы, а ты отвечай спокойно, без эмоций, как врач. Что ты думаешь? Это инфаркт? Он хрипел?

– Нет, не хрипел.

– Хорошо. У него сегодня болела голова?

– Не знаю. Он просто свалился.

– Возможно, это апоплексический удар.

– Возможно.

– Мы скоро подъедем к твоему дому. Главное, не паникуй. Я все улажу. Все хорошо.

Эти слова произвели обратный эффект: Софи сорвалась и сквозь слезы заорала на подругу:

– Все очень плохо!!! Он умирает! Или уже умер!

Майя не возмутилась и приказала:

– Не реви! Этим ничего не поправишь! Отвечай на вопросы! Это важно! Его вырвало?

– Да, он весь в блевотине.

– Лицо перекошенное?

– Да.

– Очень похоже на инсульт. Теперь сделай в точности то, что я прикажу! Найди платок или тряпку и удали изо рта рвотную массу.

– Сейчас сделаю.

Софи засуетилась, начала водить простыней по моей измазанной и перекошенной физиономии. Потом сказала:

– Все, прочистила.

Майя скомандовала:

– Теперь переверни его на бок и положи голову повыше, чтобы кровь оттекла. Это тоже поможет.

– Хорошо. Вот, подложила подушку.

– Теперь проверь пульс. У него есть пульс?

Софи взяла мою руку и сказала:

– Пульс очень слабый, еле прощупывается.

– Понятно. Теперь измерь давление.

– Не могу. У меня нет аппарата.

– Тогда проверь зрачок. Он реагирует на свет?

Софи посмотрела, и ответила:

– Нет. Но дышит.

– Ладно, тогда одевайся. Ты, наверное, голая. Мы уже скоро будем. Держись.

Софи присела к зеркалу и открыла свой косметический сундучок.

Вот именно в этот момент я и заметил голубоватую нить, которой был привязан к своему телу. Она мерцала, переливаясь в разные оттенки, то притягивая меня, то отталкивая, как воздушный шарик.

Майя продолжала контролировать действия подруги по телефону:

– Что ты делаешь?

– Наношу губную помаду.

– Виши?

– Нет, Лореаль.

– Проверь ему еще раз пульс.

– Очень слабый.

– Держись! Мы в подъезде.

Майя вбежала в сопровождении двух санитарок. Она быстро осмотрелась, оценила обстановку и немедленно начала действовать.

– Софи, теперь не мешай. Мы обо всем позаботимся. Девочки, запомните, я запрещаю вам обсуждать с кем бы то ни было все, что вы здесь увидите.

Санитарки послушно кивнули.

Майя нагнулась над моим телом, проверила пульс, зрачки, давление и продолжила отдавать приказы:

– Итак, приступаем к немедленной госпитализации. Все процедуры проводим в реанимобиле. Где водитель с носилками? Вот и он.

Все задвигались и засуетились вокруг моего полуживого тела. Я чувствовал вибрацию их волнения внутри себя и вдруг осознал тяжесть моего положения. Тело умирает, но я еще живу и воспринимаю окружающее. А еще привязан к своему полутрупку голубоватой ниточкой.

Тем временем, санитарки, с помощью водителя, водрузили мое тучное тело на носилки и совместными усилиями потащили вниз по лестнице.

Я невольно последовал за ними.

Как ни странно, у меня начали возникать философские вопросы: «Кто же я, на самом деле? Вот я валяюсь без сознания на носилках, однако, без помощи глаз и ушей воспринимаю все происходящее. Так, если Я там, на носилках и без сознания, то кто же здесь привязан ниточкой? Или наоборот: если же Я здесь в тонком сознании, то кто же там на носилках?»

Я запутался в рассуждениях, и тут почувствовал новые вибрации в пространстве. Это была беседа в машине скорой помощи.

Майя копошилась над моим телом и говорила Софи:

– Не хочется тебя пугать, но состояние очень тяжелое. Не знаю, как быть с таким высоким давлением. Может сделать инъекцию?

«Я бы не стал», – мелькнула у меня мысль, и Майя решила:

– Не буду.

Я в ответ подумал: «Молодец!»

Тут меня удивило, насколько сейчас мне безразлична судьба моего тела.

– В больнице первым делом надо будет подсоединить его к аппарату искусственного дыхания. Не нравится мне проходимость дыхательных путей. Надо будет еще легкие прочищать немедленно.

Софи сидела с кислым лицом. Майя спросила ее:

– Как ты? Даже в слезах ты выглядишь очень привлекательно!

Софи усмехнулась:

– Спасибо.

– Расслабься. Напряжением ему сейчас не поможешь.

Софи в отчаянии покачала головой:

– Ему стало плохо в моей кровати.

Майя ответила:

– Об этом никто не узнает. Я уже записала в анкете вызова, что инцидент произошел на улице, в твоей машине. Кстати, вы же были вместе?

– Да.

– Куда выехали?

– На встречу с Кэтчером.

Это восхитило Майю:

– С тем самым?! Молодцы! Это Николай устроил?

– Нет. Я сама.

– Bravo! Как ты это сделала?

Софи вздохнула:

– Сама не знаю. Я долго искала пути к нему. Однажды увидела его на ежегодной конференции фармакологов в Берлине. Пыталась подойти к нему в течение двух дней, но не вышло. Не смогла выловить его одного. Последняя надежда была поговорить с ним на прощальной вечеринке. Я принарядилась, надела платье от Лаурель, купленное специально для этого случая, и, представляешь, он меня заметил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.